

КОСТЁР

6 ИЮНЬ 1974

КОСТЁР

6
ИЮНЬ
1974

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года

© „Костёр“, 1974 г.

А. С. ПУШКИН
СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ
Рисунок на обложке
Наташи Гончаровой, 12 лет

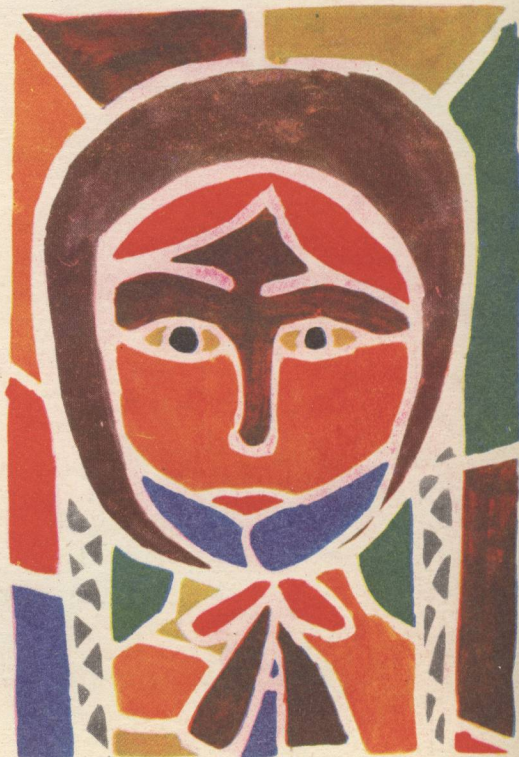

ДОКТОР
Лариса Сапкова, 8 лет, СССР

АКВАЛАНГИСТЫ
Джозел Пермман, 10 лет, США

УЛИЦА
Магда Налецка, 12 лет, Польша

ПОРТРЕТ
Стоянка Стефанович,
10 лет, Югославия

Если обмакнуть кисточку в краску и прикоснуться ею к бумаге, то на белом листе появится яркий и манящий мир твоего будущего.

Вот, например, ты доктор. Принимаешь больных. Сама вся в белом. Выписываешь больным таблетки. «Проглотите — на всю жизнь перестанете болеть. Будьте здоровы!»

Хорошо стать художницей, рисовать картинки к любимым сказкам.

Хорошо и на стройке работать. Вон какой корабль растет — красавец! Кто его выстроил? Да ты сам его выстроил, ты и твои друзья.

Или вот еще какое есть дело — изучение морских глубин. Надеваешь акваланг, погружаешься в пучину...

А может быть, ты выезжаешь на арену стоя на коне. Цирк сияет огнями, музыканты играют вальс, публика кричит: «Браво! Браво!»

А может быть...

Все может быть, если в мире сохранится мир, если дети не будут умирать от голода и болезней, надрываться на тяжелой работе, бродяжничать...

Взрослые люди берегут детей, отстаивают их права.

СТРОЙКА

Созда Есихару, 10 лет, Япония

ГОНКИ

Валя Корзинников, 13 лет, СССР

НАЕЗДНИЦА

Ира Валуйская, 12 лет, СССР

1 ИЮНЯ —

МЕЖДУНАРОДНЫЙ

ДЕНЬ

ЗАЩИТЫ

ДЕТЕЙ.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Катрин Шумахер, 6 лет, ГДР

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

РАССКАЗ

Товарищ лейтенант, отделение ваше задание выполнило, командир отделения ефрейтор Калюжный! Что? Поподробней? Слушаюсь. Вышли мы, как вы приказывали, в семнадцать ноль-ноль на исходный рубеж, заняли позицию. Смотрим — а они уже идут. Ну, попрыгали на них, они нас похватали, а там в поселе вместе вернулись... Что, еще поподробней? Товарищ лейтенант, вот вы смеетесь, а я же просил, не посылайте меня на это задание, не умею я с ними, нет, серьезно...

Вышли мы на исходный рубеж. Про ягоды надо, товарищ лейтенант? Ягод в том лесу видимо-невидимо! Так точно, черника. Солдаты мои первым делом начали налегать на ягоды, я им говорю: «Товарищи, отставить покуда ягоды, ведь у нас рты будут черные, несерьезно это, противник неправильно поймет». А там лес такой — не слишком густой и не слишком редкий, и вокруг каждого дерева черным-черно, ложись и рот разевай, вы бы, товарищ лейтенант, подсказали начпроду...

Ну вот, значит, насили оторвал. Залезли мы на деревья, замаскировались. А я еще по дороге, как вы приказывали, задачу всем разъяснял: так и так, выйдем в указанный квадрат, замаскируемся и будем ждать поисковую группу. Поймают — сопротивления не оказывать, будут допрашивать — рта не открывать. Я, товарищ лейтенант, объяснять-то им объяснял, но и сам себе до сих пор не уяснил задачи — на кой во всю эту игру боевая единица понадобилась? Как какая боевая единица — мое отделение! Вот вы опять смеетесь, а мне ведь обидно, что нас, как майских жуков, с веток снимали, а мы и пальцем не двинули, ведь вы нас не этому два года учили. Дети? Я понимаю, что дети...

Ну вот, сидим, как лешие, на суках. Сидим — не дышим. Рядовой Самусев, правда, попытался было закурить, но я пресек это демаскирующее действие с самого начала. Все конечно уже затекли, долго ли, думаю, мы будем так сидеть? Тут мы их и услышали. Издалека слышали, у них неважно было со звуковой

маскировкой, идут цепью, ветками прикрывались, а сами — негромко — но все же переговариваются. В руках автоматы у них из дерева, с позволения сказать, вооружение, бинокли у двоих настоящие, полевые, а у одного — поверите или нет — театральный, у нас в Доме культуры, в гардеробе, такие выдают. Я чуть не засмеялся.

Гляжу — подняли иностранную газету, что вы мне дали. Ну, думаю, молодцы, клюнули. Подняли ее, сгрудились, рассматривают, и вижу я, что их настоящий страх берет: а что, мол, не в самом ли деле здесь где-то диверсионная группа? Они ведь, кроме пакета с приказом из штаба, про нас пока ничего не ведают. Позвали пионервожатую, она тоже ветками вся обложилась, но и за ветками видно, какая это красивая девушка. Да, она в брюках была, я не очень брюки на девушках одобряю, но эта мне сразу понравилась.

Вот они стоят, газету рассматривают — неграмотно это, конечно, с военной точки зрения, — потом пришли в себя и снова рассыпались в цепь. Идут дальше, но уже не так, как прежде — крадутся бесшумно, каждый шаг выверяют, зыркают во все стороны, только глаза блестят. Тут еще один рукой замахал, гляжу — ага, снова клюнули — нашли пачку от сигарет «Люкс». Гляжу я сверху на это, а самому смешно — ну, товарищ лейтенант, какая же диверсионная группа будет за собой такие следы оставлять? Дети, я понимаю, что дети...

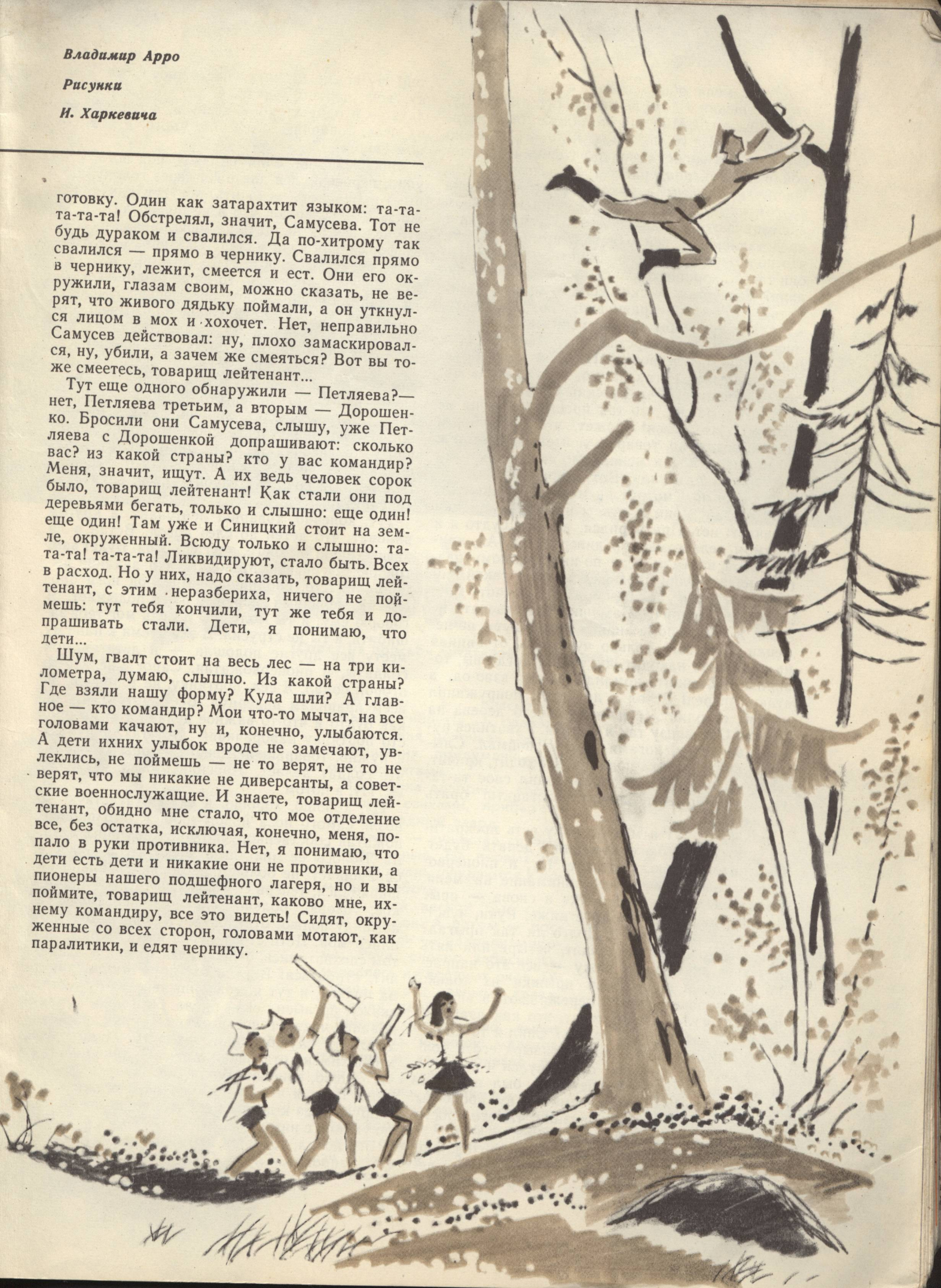
Тут они еще больше заволновались. Смотрю — один уже глазами по деревьям шарит, вот, думаю, и все, попались. Что-то он заметил и впрямь, чернявенький такой мальчик, товарищу рукой вверх указывает. Кто ж это, думаю, так плохо замаскировался, а это, конечно, рядовой Самусев. Я бы ему наряд дал. Побледнели эти двое, как увидели Самусева, глаза тревожные стали. Еще бы не перепугаться, ведь на дереве живой человек сидит. Что тут у них началось, товарищ лейтенант! Закричали, завывали, бросились к тому дереву — а ну, мол, слезай! И автоматы свои, деревяшки-то, наиз-

готовку. Один как затахтит языком: та-та-та-та-та! Обстрелял, значит, Самусева. Тот не будь дураком и свалился. Да по-хитрому так свалился — прямо в чернику. Свалился прямо в чернику, лежит, смеется и ест. Они его окружили, глазам своим, можно сказать, не верят, что живого дядьку поймали, а он уткнулся лицом в мох и хохочет. Нет, неправильно Самусев действовал: ну, плохо замаскировался, ну, убили, а зачем же смеяться? Вот вы тоже смеетесь, товарищ лейтенант...

Тут еще одного обнаружили — Петляева? — нет, Петляева третьим, а вторым — Дорошенко. Бросили они Самусева, слышу, уже Петляева с Дорошенкой допрашивают: сколько вас? из какой страны? кто у вас командир? Меня, значит, ищут. А их ведь человек сорок было, товарищ лейтенант! Как стали они под деревьями бегать, только и слышно: еще один! еще один! Там уже и Синицкий стоит на земле, окруженный. Всюду только и слышно: та-та-та! та-та-та! Ликвидируют, стало быть. Всех в расход. Но у них, надо сказать, товарищ лейтенант, с этим неразбериха, ничего не поймешь: тут тебя кончили, тут же тебя и допрашивать стали. Дети, я понимаю, что дети...

Шум, гвалт стоит на весь лес — на три километра, думаю, слышно. Из какой страны? Где взяли нашу форму? Куда шли? А главное — кто командир? Мои что-то мычат, на все головами качают, ну и, конечно, улыбаются. А дети ихних улыбок вроде не замечают, увлеклись, не поймешь — не то верят, не то не верят, что мы никакие не диверсанты, а советские военнослужащие. И знаете, товарищ лейтенант, обидно мне стало, что мое отделение все, без остатка, исключая, конечно, меня, попало в руки противника. Нет, я понимаю, что дети есть дети и никакие они не противники, а пионеры нашего подшефного лагеря, но и вы поймите, товарищ лейтенант, каково мне, ихнему командиру, все это видеть! Сидят, окруженные со всех сторон, головами мотают, как паралитики, и едят чернику.

А еще меня обида взяла, что... ну, ладно, это отношения к делу не имеет. Все имеет? Ну, могу и сказать. Мне вот что обидно было: стоит рядовой Самусев, из-за которого, можно сказать, я всех своих людей потерял, и преспокойно с этой пионервожатой разговаривает. Цветочек какой-то в руках вертит, стрекозка кругом них летает — ну, форменным образом любезничают. Ну, какое ж это, думаю, будет представление у ней о нашей армии? А дети что подумают? С кого они учиться будут? Что они такого хорошего для своего воспитания видели? Разве так русский солдат должен помирать? Нет, это неправильно, товарищ лейтенант, мы вроде бы за диверсантов играли из иностранного государства, но разве ж я себя иностранцем чувствовал? Не-ет, я никогда себя не забывал. Игра игрою, но уж когда надо — извините, — я русский солдат.

И вот я решил, что так просто они меня не возьмут. Не дамся! Может, это, конечно, и ошибка была, но, товарищ лейтенант, не мог я тогда иначе. А они меня, надо сказать, к тому времени заприметили. Вот, кричат, это их самый главный! Смотрят на меня снизу, кричат: а ну слезай! Я им в ответ: найн! По-немецки означает: нет. Притворился, значит, будто я и в самом деле командир диверсантов. Ах, кричат, он и в самом деле по-иностранному разговаривает! Один паренек, смуглый такой, волосы выгорели до безобразия, кричит мне: „Шпрехен зи дойч?“ Батюшки, что отвечать, не знаю. Я ведь, кроме «найн» и «зер гут», по-немецки ни слова. Только чувствую, отчаянная на меня сила находит, ну, такая, когда вы, товарищ лейтенант, команду даете: взвод, в атаку, вперед! Встал я на ветку, попружинил на ней, оттолкнулся и — со своего дерева на другое! Они внизу так и ахнули. Ухватился руками за ветку, ногами другую поймал. Слышу — внизу паника поднялась. Уходит, кричат, окружай его! Кто-то забарабанил свое та-та-та, а белобрысый кричит: отставить! брать живьем!

Гляжу — тут и мои чернику есть прекратили, смотрят, что их командир делать будет. Смотрите, думаю, смотрите. Ну, и пионервожатая тоже, конечно, все внимание на меня. Раскачался я на этой ветке и снова — прыг на другую, только на ярус ниже. Руки, чувствую, в кровь ободрал. Долго ли так прыгал? Да нет, товарищ лейтенант, четыре или пять деревьев сменил. Но вижу — все это напрасно. Толпятся внизу, мои прыжки их только раздражают. Ахают, переживают, а знаю — все равно взять меня хотят, это как азарт во время охоты. Ну, что делать? Снял я тогда незаметным образом сапог — швырк его в толпу, а сам в тот же миг оттолкнулся и прыгнул в другую сторону. Расчет мой был правильный — сапог их отвлек немного, ну, вроде бы озадачил. Пока они сообразили, что это просто сапог, я уже на ноги вскочил и дал деру.

Как они погнались за мной по лесу, товарищ лейтенант, и откуда прыти столько у этих де-

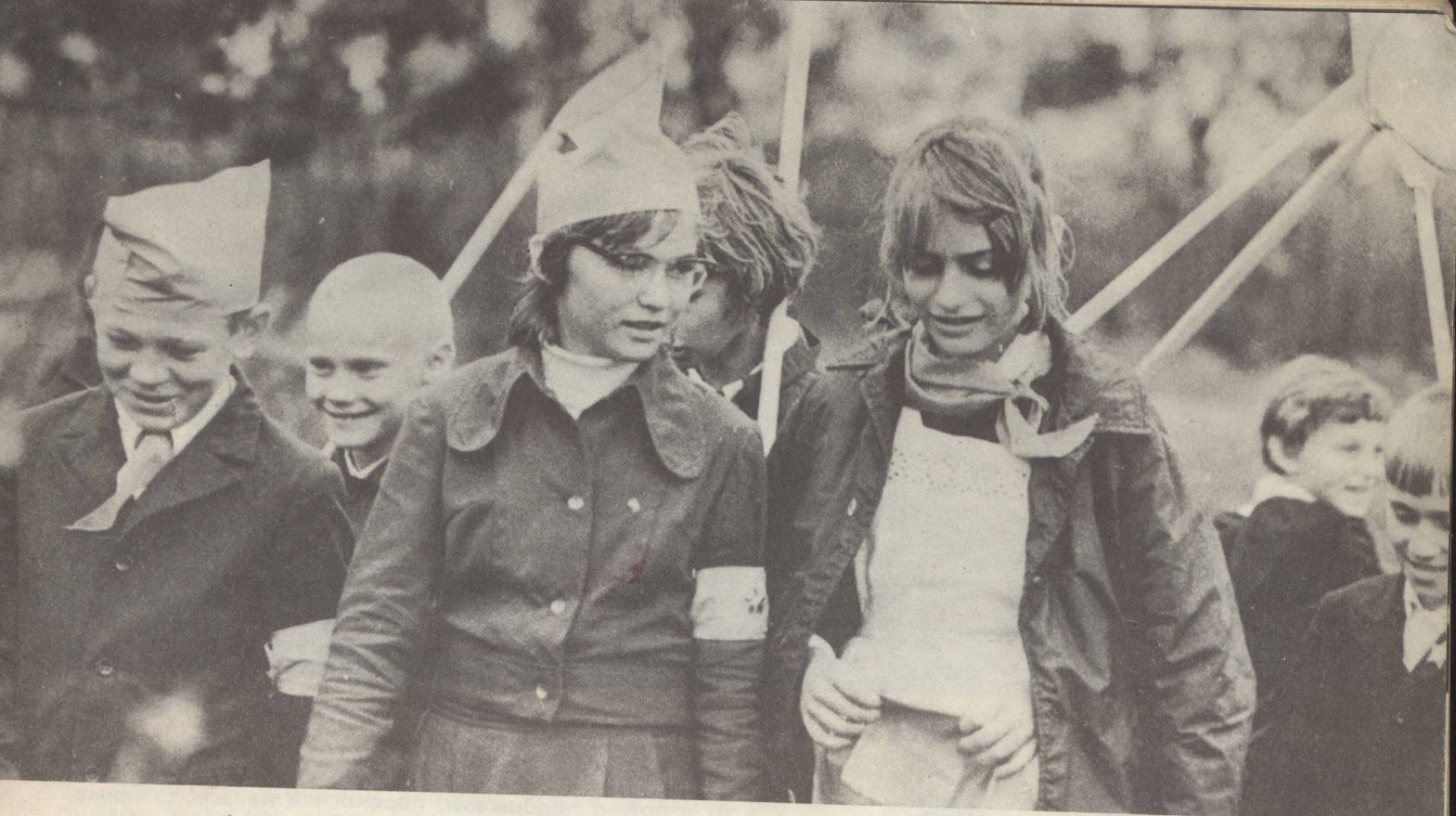
тей! Ну прямо на пятки наступают, а уж крику, вою, что на облаве. Стал я маневры делать — в одну сторону метнусь, в другую, но их ведь, товарищ лейтенант, много, а я в одном сапоге.

Бросился мне один паренек под ноги, я и упал, перевернулся два раза через голову, как вы учили, хотел вскочить, но тут такую тяжесть почувствовал, что и не пошевелиться — это человек пятнадцать на меня навалилось — ну форменная куча мала. Лежу внизу, аж глаза из орбит вылезают. И то ли я при падении руками лица коснулся, то ли царапины закрыточили, только слышу, они перешептываются: кровь, кровь!.. Встали они надо мною, перепуганные, бледные и замолчали. Одна девочка присела рядом и так тихо спрашивает: дяденька, вам больно? Я покачал головой, а сам лежу, тяжело дышу, отдыхаю, в небо смотрю — и в самом деле устал. Деревья высоко вверх шатром уходят, хорошо лежать, покойно. И тут, представьте себе, товарищ лейтенант, эта девочка закрыла лицо руками и заплакала. А следом за ней еще кто-то заревел. Белобрысый кричит в глубину леса: санитары, эй, санитары!

Тут, конечно, товарищ лейтенант, я кругом виноват, что детей до слез довел. Встал я на ноги — одна в сапоге, другая босая. Будет вам, говорю, не ревите. Молодцы, что задание выполнили. Кто, спрашиваю, мне под ноги бросился? Чернявый паренек руку подымает. Я говорю ему: и ты молодец. Я ведь мог тебя зашибить, а ты не струсил. В это время к нашему месту все другие подошли — и дети, и мои солдаты, и пионервожатая. Сапог мне кто-то второй подал. Я сел, портянку, не торопясь, по всем правилам навернул. Все смотрят молча, как будто я что-то важное делаю, а это я просто портянку наворачиваю. Вот так, я думаю, и нужно, товарищ лейтенант, чтобы ко всему, что солдат делает, относились бы с уважением. Ну, а потом...

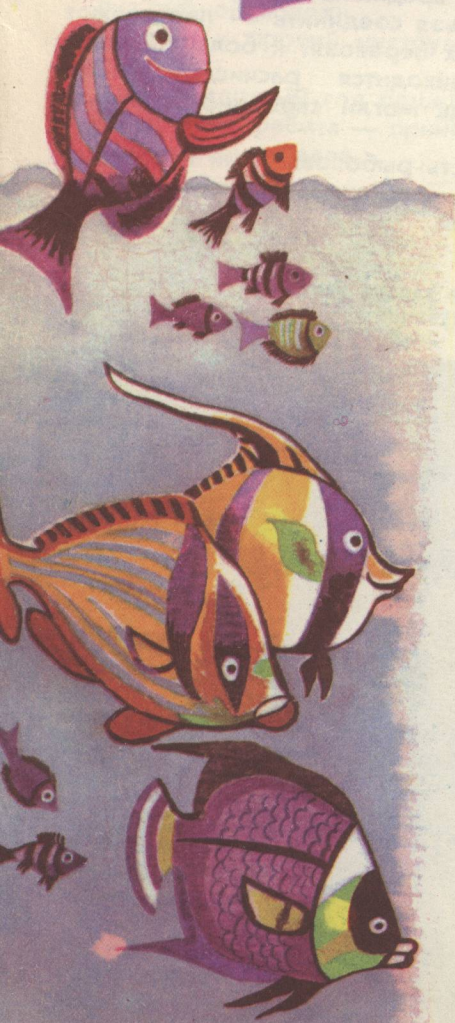
Ну, хорошо, хорошо, я скажу: чувствую — возле самого носа йодом пахнет. Это пионервожатая собственноручно мне царапины мазала. Волосы ее мне шею щекотят, а она все спрашивает: не больно? не больно? Сильно пошкрябался, теперь сам вижу, а тогда — да какое, говорю, больно! На ноги вскакиваю и команду подаю: отделение, становись! Выстроились мои. Дети стоят перед нами толпой, потом спохватились, белобрысый тоже как закричит: строиться! Встали мы друг против друга на поляне, и тут я, товарищ лейтенант, честно скажу, превысил свои права. От имени командования части, говорю, объявляю вам, дети, за хорошую службу благодарность. Надо было мне от имени отделения и от себя лично, но так уж вышло, виноват. Вот и все, товарищ лейтенант. Если я что не так сделал, накажите, но в другой раз к детям меня лучше не посылать, не умею я с ними.

Все понял, товарищ лейтенант. Ошибки проанализировал. Служу Советскому Союзу!

ГОЛУБОЙ ПАТРУЛЬ

[Ответ на просьбу читателей «Барабана»]

«Мальки в опасности!»
«Мальки гибнут!» — срабатывает «живая цепочка», способ оповещения, придуманный самими ребятами.

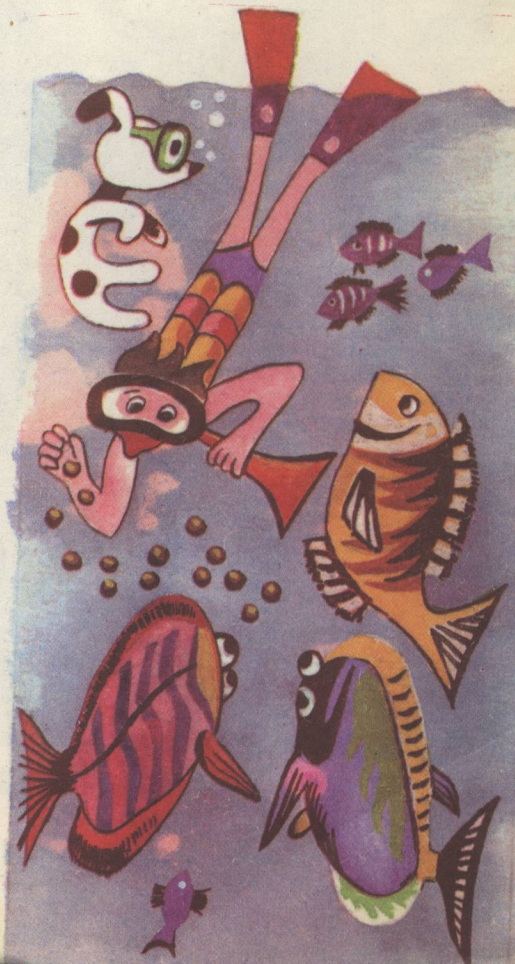
И вот уже дозорные, вооружившись сачками, прибывают на рыбоводный завод.

Мальки — существа слабые, беспомощные. На первых порах они очень нуждаются в помощи и заботе...

Прошлой весной был сильный паводок. А потом — после оттепели — ударили морозы. Река словно взбесилась, вырвалась из ледяных оков, затопила луга с сеянными травами, поля, деревья...

Течение подхватило выращенных из икринок мальков горбуши и кеты, понесло по широкому руслу.

Мальчишки и девочки с голубыми повязками на рукавах тогда хорошо помогли взрослым — спасли семнадцать тысяч мальков. Вычерпывали «малышей» сачками, ведрами,

Браконьер попадет в инспекцию рыбоохраны

а то и прямо ладошками, переносили на завод. Внимательно осматривали каждую травинку, каждый прибрежный куст.

В кустах и залитых водой травах мальки всегда гибнут.

А бывает наоборот: пересыхают протоки, «отшнуровываются» от реки. И опять тревога! Собирайся, «Голубой патруль!»

Надо прорывать каналы, соединять протоки с рекой, чтобы спасти молодь. Нельзя соединить — переселяют мальков: в бочках, в баках перевозят к большой воде. Часто речные заторы приходится расчищать, чтобы мальки и рыбная молодь могли свободно двигаться к морю, не попасть в беду.

В «Голубом патруле» есть рыболовы. Они «охотятся» на главных врагов малька — прожорливых «речных тигров» — тайменей и кунджей.

Главный рыбовод Березняковского завода учит отбирать икринки для инкубации

В штабе „Голубого патруля“

Попробуй тут сосчитать всех мальков

Дозорные «Голубого патруля» всегда на своем боевом посту, как пограничники на заставе.

Зорко следят они и за порядком на реке, ни один браконьер не укроется от их глаза. Учатся березняковские ребята у рыбоводов и ученых-ихтиологов завода.

Они научились определять, сколько кислорода в воде, собирать икринки для инкубации.

Если потребуется, сумеют сделать биологический анализ рыбной молоди.

Сачки и прочий инструмент дозорные сами смастерили.

Шестнадцатый год пошел «Голубому патрулю».

Молодцы ребята — принимают участие в большом государственном деле.

Л. Кролевецкая
Фото В. Мариковского

Оформление Т. Капустиной-Хонен

На очистке нерестовой реки

НЕДОПЕСОК

ПОВЕСТЬ

Рисунки Т. Капустиной

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Уже на первом уроке дикие слухи поползли по ковылкинской неполной средней школе. Будто Верке Мериновой с полюса прислали песка, и песец этот дрессированный: если привязать его на веревочку, он, как собака-поводырь, приведет на Северный полюс. В четвертом классе стала сколачиваться группа полярников, которые хотели бежать за песцом и добраться хотя бы до полуострова Канин Нос, пока про это дело не пронюхали родители. Белов и Быкодоров составили на промокашке список походных продуктов.

«Тушонки раз», — написал Белов.

«Згущенки два», — добавил Быкодоров.

Всешкольная громкая слава навалилась на Веру Меринову и Колю Калинина. Неприметные второклассники стали героями: за ручку, за ручку здоровались с ними лбы из пятого класса. Голова Коли Калинина отяжелела от славы, он ничего не видел вокруг себя — ни доски, ни учителя — огненная слава пылала у него на ушах.

На первой же перемене вся школа валом повалила глядеть песка, но тут на крыльцо вышел директор и взглядом разогнал народ по классам. На второй перемене приступил народ к Вере Мериновой, требуя ответа на свои вопросы. Вера и Коля сбивчиво и наперебой рассказали, как было дело, но слишком уж большая собралась у печки толпа, все кричали, гомонили, и никто ничего не понял. Поняли только, что был овраг, была стрельба, был человек с зеленым сундучком и что в деле этом странным образом замешан дошкольник Серпокрылов.

Куцые сведения еще больше разожгли фантазию, и слухи сделались еще чудесней и странней.

Жил будто на свете полярник с зеленым сундучком, и был у него песец, который служил на правах спаниеля. Подстрелили полярника, а песка подобрала Верка Меринова. Вопрос: где теперь сундучок, в котором хранились царские червонцы и почтовые марки Оранжевых островов?

На втором уроке начала сколачиваться группа изыскателей зеленого сундучка, но тут в дело решительным образом вмешались учителя, вызвали к доске с десяток кладоискателей и постепенно, под стук мела, под лепет книж-

ных страниц, стали забываться песец и полярник, стрельба и зеленый сундучок.

И только во втором классе о песце не забывали ни на секунду, хотя и здесь был ответственный день, и здесь тройки сыпались, как семечки. Коля Калинин, к примеру, нахватал столько троек, сколько не съест ему за все праздники пирожков с капустой.

Второклассники волновались, и на втором уроке волнение достигло наивысшей точки. Кто-то видел, как техничка Амбарова бегала в сельсовет, кто-то слышал, что ей наказывал директор, и все поняли, что песка немедленно вернут на ферму.

В конце второго урока Вера разослала по классу секретнейшие записки, и все тридцать три второклассных головы слились в одну большую думающую голову.

— Что делать? — думала эта гигантская голова. — Отдавать песка на ферму? Так ведь там из него воротник сделают!

— Надо вот что делать, — решила наконец Вера Меринова. — Надо его так спрятать, чтоб не нашли.

КАША, ЗАВАРЕННАЯ
НА БОЛЬШОЙ ПЕРЕМЕНКЕ

Отзвенел валдайский колокольчик, кончился урок — вынимай бутерброды, баранки, яблоки, — началась большая перемена. А большая перемена это десять минут. За десять минут можно столько каши наварить, что потом и за двадцать не расхлебашь.

— Надо вот что делать! — крикнула Вера, как только учитель вышел из класса. — Надо так его спрятать, чтоб не нашли!

Второклассники окаменели. Но не надолго. Всего лишь на секунду. И за эту секунду сразу поняли, что другого выхода нет.

— Куда?

— Я знаю такое место, — сказал хорошист Миша Чашин. — Только закройте дверь, чтоб никто не слышал.

Дверь заперли учительским стулом, и весь класс столпился вокруг Чашина.

— Я знаю такое место, — шептал Миша так, чтоб всем было слышно. — Там его никто не найдет. А нас все-таки тридцать три человека — вырастим, воспитаем. Важно только, чтоб среди нас не было предателя.

— Верно, верно, — подхватили второклассники. — Важно, чтоб не было предателя.

Тут все переглянулись и поняли, что предателя среди них нет. Сильно, конечно, смахивал на предателя Сашка Самолетов, но это было внешнее сходство. На самом деле Сашка был честнейший человек.

— Ну давай, давай, не тяни. Что за место? — нетерпеливо спросил Коля Калинин, немного огорченный тем, что его отодвинули на второй план.

Миша приложил палец к губам, огляделся тревожно, не слышит ли его посторонний. Но посторонних в классе не было, разве только знаменитый химик Менделеев, который выглядывал из рамы над классной доской.

И все-таки Миша не решался так просто брякнуть, куда надо спрятать песка. Он выдирал пол-листа из тетради по математике и быстро начиркал:

В баню Карасева

— Место хорошее, — шепотом решили все. — Там его никто не найдет!

— Надо поскорей увести песка из школы, — сказала Вера. — А то будет поздно.

— Давайте я сбегу с уроков, — предложил Сашка Самолетов, вылезая неожиданно на первый план.

— Ладно тебе, — сказала Вера, возвращая Самолетова на его место. — Ты лучше двойку по русскому исправь.

— Может, я сбегу? — неуверенно сказал Коля Калинин.

— Не надо никому бегать, — ответила Вера и подошла к окну. — Есть один человек. Он делает.

Вера стукнула пальцем в стекло, и за окном сразу же появилась круглая голова в офицерской фуражке. Лязгнули шпингалеты, окно распахнулось, и дошкольника Серпокрылова за руки втянули в класс. Отряхнувши снег с валенок, он прислонился к печке.

— Серпокрылыч, — прошептала Вера. — Ты был прав. Тишку надо спрятать. Бери веревку и, как только начнется урок, отведи его...

— Стоп! — многозначительно оборвал ее Миша Чашин и огляделся, не слышит ли Веру кто посторонний. Но, кроме Менделеева, посторонних не было, а в честности знаменитого химика никто не сомневался. Таинственно подмигнув, Миша подал дошкольнику записку.

— Бэ, — напряженно прочел Серпокрылов, повертел записку, причитался как следует и добавил: — А-а... Ба...

— Да он читать не умеет! — восхищенно загомонили второклассники, а Вера наклонилась к дошкольнику уху и что-то шепотом и горячо шептала.

— Сделаю, — согласно кивнул дошкольник.

— А записку уничтожь, — добавил Миша. Дошкольник хотел разорвать записку, но тут зазвенел поддужный колокольчик, загремела дверь, зашатался стул, просунутый в дверную ручку.

Дошкольник прощально помахал запиской и вдруг засунул ее в рот. Под огнем шестидесяти шести глаз с тревожным хрустом дошкольник сжевал творчество Миши Чашина.

— Дайте чего-нибудь зажевать, — сказал дошкольник, направляясь к окну.

Кто-то кинул ему кособокое яблоко, и со звоном откусил дошкольник половину косого бока, вылезая в окно. Уже будучи ногами на улице, он обернулся, поглядел Вере в глаза и повторил:

— Сделаю.

И ведь сделал, все сделал дошкольник Серпокрылов, и как раз вовремя.

ИНТЕРЕСНЫЕ ЗАДУМКИ ДИРЕКТОРА ГУБЕРНАТОРОВА

Ни минуты покоя не было сегодня у директора Губернаторова. То набегали в кабинет учителя, то приставал с какими-то лопатами завхоз, то сам директор торопился навести в пятом классе необходимый порядок.

Особо много хлопот доставили директору двоечники. На третьей переменке директор устроил в своем кабинете настоящее собрание двоечников.

Двоечники выстроились по росту у книжного шкафа, и первую минуту директор просто прохаживался перед ними.

Испачканные мелом двоечники бестолково переминались с ноги на ногу, сильно чем-то напоминая маляров или штукатуров.

Всю эту бригаду возглавляли отпетые Белов и Быкодоров, которых, впрочем, даже нельзя было назвать двоечниками. Не было в школьном словаре такого слова, чтоб обозначить Белова и Быкодорова. И директор Губернаторов нашел такое слово — «коловики».

С них-то и начал директор и сразу взял Белова и Быкодорова за рога.

— А вы, голуби, — сказал он и ткнул правой рукой в грубую грудь Белова, а левой — в бодрю Быкодорова. — А вы, голуби, доколе позорить будете нашу школу? Доколе вы будете пить кровь? Вы, наверно, думаете, что я собираюсь хиханьки-хаханьки разводить? Ошибаетесь! Я сделаю из вас настоящих людей! Прямо здесь, в этом кабинете, вы дадите обещание учиться только на хорошо и удовлетворительно!

Припертые к стенке коловики вяло грянули:

— Прямо здесь, в этом кабинете, даем обещание учиться только на хорошо и удовлетворительно!

Чувствовалось, что коловики готовы на все, и если директор нажмет немного, они дадут обещание никогда в жизни не ложиться спать.

После коловиков директор занялся рядовыми двоечниками. Он буквально перепахал их души и засеял перепаханное разумными семенами. Двоечники, как гуси, вытягивали шеи, уши их загорались от слов директора, а прически вскудлычивались. Особенно сильное впечатление произвел на двоечников рассказ о том, как поступали с такими, как они, в старое время. Некоторые двоечники плакали навзрыд.

Отделав двоечников по первое число, директор отутюжил каждого в отдельности и только после этого распустил их по классам.

Мысли директора побежали по новой дороге и наткнулись на премию, которая полагалась за чрезвычайного зверя.

— Кто же ее получит? — размышлял директор. — Неужели Меринова? Да зачем же второкласснице деньги! К тому же здесь замешан Калинин, потом Павел Сергеич, да еще какой-то дошкольник. А если премию поделить на четверых, что получается? По пятерке на брата. Ну, это чепуха. Пускай Меринова и Калинин пятерки на уроках получают!

В этом месте своих размышлений директор остановился, прервал размышления на минутку и улыбнулся. Ему понравилась собственная шутка, и он повторил ее вслух, щелкнув ногтем по глобусу.

— Пускай пятерки на уроках получают, да-да!

Повизгивая, крутился глобус, мелькали океаны и материки.

Крутящийся глобус навел директора на мысли глобального масштаба. Он взглядом остановил глобус и продолжил размышления:

— А что, если получить премию и послать ее в какой-нибудь город, пострадавший от землетрясения? Вот это интересная задумка!

Директор Губернаторов заволновался, снова щелкнул глобус и внимательно теперь разглядывал мелькающие части света, как бы выискивая город, пострадавший от землетрясения.

Директор Губернаторов вообще любил интересные задумки и частенько сам задумывал их. Когда школьники решали собрать макулатуру или когда завхоз предлагал отремонтировать дымящую печку, директор рассудительно говорил:

— Это интересная задумка.

Отдать деньги пострадавшим людям — это действительно была задумка благородная, но премия для такой высокой цели была мала.

— Ладно, — решил директор. — Получим премию сами и купим на нее десяток глобусов, а Мериновой и Калинин у объявим благодарностью. Вот это задумка так задумка! Остается дошкольник Серпокрылов. Но тут дело проще пареной репы. Обойдется без денег и без благодарности. А на будущий год, когда он поступит в школу, что-нибудь придумаем. Посадим на первую парту — это будет хорошая награда. Да, да! Сегодня же после уроков надо собрать во втором классе собрание и объявить благодарность. Вот настоящая задумка!

Директор Губернаторов посмотрел на часы. Через три минуты должен был кончиться последний урок, и, наверно, подъезжал уже к школе газик со зверофермы. Директор Губернаторов решил глянуть еще раз на чрезвычайного зверя и вышел на крыльцо, повторяя про себя:

— Хорошая, интересная задумка!

Он пересек пришкольный участок, заглянул в кроличью клетку и, как испуганные с дороги грачи, поднялись на крыло директорские брови и вовсе улетели со лба — дверца клетки была распахнута, пропал зверь чрезвычайной важности, исчез, растаял.

И тут залился-заклокотал за спиной директора валдайский колокольчик.

ВТОРОЙ КЛАСС ГЛЯДИТ НА МЕНДЕЛЕЕВА

Барабанной россыпью, пулеметной дробью простучали крышки парт, ученики подхватили портфели, кое-как покидали туда учебники и, как пехотинцы с криком в атаку, бросились из школы на улицу.

Кончился последний урок четверти.

Только во втором классе не слышно было криков и веселья. Здесь стояла та самая тишина, которую называют мертвой. Выпрямив спины, сидели второклассники на своих местах, и сидели так ровно, так чисто и хорошо, что даже самый придирчивый человек не мог бы сказать, что вот, дескать, они «плохо сидят».

От окна смотрел на них Павел Сергеич, покачивал печально головой, а у доски, прямо перед ребятами, как великан перед карликами, возвышался директор Губернаторов.

Во второй класс директор заходил редко, и всем было ясно, что явился он неспроста, что сейчас начнется нехороший разговор.

Огромный, как гора, стоял директор под портретом Менделеева и на плечах своих, казалось, держал грозовую тучу.

Тишина становилась все тише, она нагнеталась, нагнеталась и наконец сгустилась до такого состояния, что ее можно было уж разливать в банки, как сгущенное молоко. Тишину пора было разрядить, и директор сделал это.

— Так, — сказал директор.

Это простейшее слово он произнес настолько сильно, что оно врезалось в головы второклассников, как гвоздь в липовую доску. Во втором ряду кто-то тихо, но явственно задрожал.

— Значит, вы не знаете, куда девался песец. А кто ж тогда знает?

Директор Губернаторов прекрасно понимал, что знает об этом весь класс. Ни секунды не думал он, что песца увел посторонний. Как только увидел он пустую клетку — сразу вспомнил разговор с Верой Мериновой и понял, что без нее тут не обошлось. Знал директор, что Веру ребята уважали и скорей всего поддались на ее агитацию и спрятали песца.

Директор Губернаторов был мудрый человек и всех своих учеников видел насквозь. Одного только не мог он понять, как им удалось спрятать песца, не выходя из школы. Но этот вопрос он надеялся прояснить в самое короткое время.

— Меринова! И ты не знаешь, где песец?

Вера вскочила из-за парты и молча уставилась в портрет Менделеева.

— Что ж ты молчишь?

Вера не отвечала. В тишине слышно было, как колотится ее сердце.

— Меринова, как видно, онемела, — решил директор. Он пригляделся, посмотрел на Веру повнимательней, как дровосек, который хочет расколоть полено и выбирает, с какого бока ударить, но решил пока ее оставить и выбрать чурбанчик помягче.

— Калинин!

Коля с громом вскочил из-за парты. С таким громом в лесной тишине вдруг в кустах подымается тетерев.

— А ты что скажешь?

Коля открыл рот, глянул в окно и осекся.

— И этот онемел, — заключил директор. — Ты куда смотришь? Воробья увидал?

— А чего он рожи строит?! — неожиданно и плаксиво сказал Коля.

Директор Губернаторов кинул взгляд в окно и увидел за стеклом дошкольника Серпокрылова, который действительно строил рожи. Тут директор так посмотрел на дошкольника, что состроенная рожа мигом превратилась в симпатичное и милое лицо и скромно скрылась куда-то вниз.

— Ну, Калинин, так куда же пропал песец? Коля молчал, его заинтересовал портрет Менделеева. Пышная борода знаменитого химика буквально приковывала взор.

— Так, — сказал директор. — Ну что ж, продолжим! Чашин!

Миша Чашин неторопливо встал из-за парты, хотел поглядеть в глаза директору, но не тут-то было. Менделеев притягивал, как магнит.

Минуты через три весь класс уже стоял на ногах и рассматривал портрет великого ученого. Даже дошкольник Серпокрылов, вновь появившийся в окне, тоже глядел на Менделеева.

Опять установилась в классе неприятная тишина. С минуту была она мертвой, но скоро стала превращаться в гробовую. В тишине грозовой тучей темнело лицо директора Губернаторова, задумчивы были ребята, и печально глядел на них Павел Сергееч. Только лишь знаменитый химик Дмитрий Иванович Менделеев ласково улыбался, распустив свою бороду.

— Павел Сергееч, — сказал неожиданно директор. — Приведите дошкольника Серпокрылова.

Легкий шелест прошел по классу, и директор Губернаторов понял, что он попал в точку. Директор Губернаторов был мудрый человек, он умел связывать концы с концами.

— Ну вот, — сказал директор. — Явился главный свидетель. Ну-с, гражданин дошкольник, как вы поживаете?

Дошкольник Серпокрылов почтительно отряхнул на пороге валенки и прислонился к печке. Он стоял так скромно, тихо и неподвижно, что можно было усомниться, да Серпокрылов ли это, дошкольник ли, не еловый ли это пенек?

И директор понял, что наконец-то попало ему полешко послабже. Директор уже взмахнул топором, чтоб раздолбать его, как вдруг зафырчал у ворот школы газик, взревел белугой и заглох. Открылась дверца, и высунулась из машины знаменитая пыжиковая шапка.

ДВА ДИРЕКТОРА

Очень и очень постным да пресным сделалось лицо директора Губернаторова. В глупое, в неприятное положение попал директор. Посылал телефонограммы про надежные руки, а получилась чепуха. Неодобрительно осмотрев свои руки, оказавшиеся не такими уж надежными, он убрал их в пиджачные карманы.

— Садитесь, — сказал директор ученикам, а Павлу Сергеечу шепнул два слова, и тот побежал на крыльцо встречать представителя зверофермы.

В окно видно было, как пыжиковая шапка пересекла школьный двор, поднялась на крыльцо, а тут перехватил ее Павел Сергееч и стал что-то объяснять, горячо размахивая руками. Что говорил Павел Сергееч, слышно

не было, но пыжиковая шапка недовольно шевелилась в ответ.

Наконец объяснения кончились, простучали по коридору неслыханные еще в школе полуботинки, приоткрылась дверь — и директор Некрасов вошел в класс, длинный, сухопарый, в пыжиковой шапке.

Второклассники с громом вскочили из-за парт, приветствуя директора зверофермы.

— Во жердина-то! — восхищенно шепнул Коля Калинин. — Во журавль, во сушеный лещок!

— Сядьте, дети, — мягко сказал директор Губернаторов. — А ты, Калинин, встань столбом и постой пока!

— За что? — заныл Коля. — Я больше не буду.

Но директор Губернаторов знал за что. Он имел чуткое ухо, которое сразу ухватило и журавля и леща сушеного. Только жердину проморгал оно.

Директор Некрасов прошел между парт к доске и протянул руку директору Губернаторову.

Встретились два директора и поглядели друг другу в глаза. Властным был взгляд директора Некрасова, волевым — директора Губернаторова.

Встретились два директора — и тесно стало во втором классе, захотелось чуть-чуть раздвинуть стены, распахнуть окна. Два директора в одном классе — это было выше человеческих сил, они здесь явно не умещались. Надо было потесниться, и второклассники сжались, уменьшились в размерах.

Директора крепко пожали друг другу руки. Некрасов после рукопожатия руку положил в карман и уселся, а директор Губернаторов свою руку, на которой написано было «Таня», поднял в воздух и грозно покачал пальцем.

— Так, значит, вы не знаете, куда девался песок? — сказал он, не глядя на директора Не-

красова. — Весь день сидел в клетке, а теперь, когда приехал ответственный товарищ, он вдруг пропал. Так-так, но мне известно, что песца вы спрятали. Его надо вернуть на ферму — и никаких разговоров.

Директор закончил короткую речь и в конце ее поставил яростную точку.

После точки тишина в классе сделалась еще более тягостной и опасной. Никто не шевелился. Попробовал шевельнуться неопытный дошкольник, но тут же устремились на него директорские взгляды, и дошкольник замер.

Павел Сергеич решил, как видно, спасти положение.

— Ребята, — начал он. — Песца надо вернуть. Это не наш песец. Он стоит больших денег и принадлежит государству. А если вам хочется выращивать зверей — пожалуйста. У нас есть кролики, можно завести чернобурых лисиц.

Павел Сергеич перевел дыхание и, заметив, что второй класс не подает признаков разговора, продолжал:

— Я просто не понимаю, почему вы не хотите его отдавать? Ну, объясните мне.

Павел Сергеич остановился и попытался взглянуть ребятам в глаза. Но взгляды второклассников блуждали по классу и по проторенной дорожке устремились понемногу к Менделееву.

— Вера, — ласково сказал Павел Сергеич. — Я не спрашиваю, где песец. Скажи, почему вы не хотите его отдавать?

Вера любила рисование и очень уважала Павла Сергеича. К тому же, если б не он, неизвестно, чем бы кончилось приключение в ковылкинском овраге. Павел Сергеич имел право на ответ.

Вера собралась с духом и выпалила несколько фраз. Однако она так разволновалась, что разобравшись в ее словах никто не смог.

— Что такое! Что?

— Что ты сказала? Повтори! — сказал и директор Губернаторов, и долго еще упрашивали Веру повторить, прежде чем она снова собралась с силами и ясно высказалась.

— Мы Тишку на ферму не отдадим, — сказала она. — Из него там воротник сделают.

— Воротник? — изумился Павел Сергеич и руками развел от неожиданности. Он хотел было сказать что-то в ответ, но никак не мог подобрать подходящего слова. Да и что тут скажешь, ведь Вера-то была, пожалуй, права. Сделают, обязательно сделают из Тишки воротник, уж больно мех у него хорош.

Павел Сергеич замаялся, а ребята оторвались от Менделеева и глядели на учителя.

Вот теперь Павел Сергеич имел возможность посмотреть ребятам в глаза, но взгляд его побрел по классу, уперся на миг в полуботинки директора Некрасова и нашел наконец-таки интересное местечко.

Павел Сергеич смотрел на Менделеева.

А вот вы, Дмитрий Иванович, как вы бы поступили в таком случае? Что бы вы сказали на-

счет воротника? Сделают ведь, а? Обязательно сделают!

Но не успел ответить Дмитрий Иванович — вдруг раздался в классе неожиданный грохот. Это ударил об стол кулак директора Некрасова, и второклассники все как один вскочили из-за парт и встали по стойке «смирно».

Директор Некрасов вытянулся во весь рост и снял с головы пыжиковую шапку. Второклассники, конечно, не знали, что директор Некрасов делает это очень редко. Только в самых ответственных случаях.

РЕЧЬ ДИРЕКТОРА НЕКРАСОВА

Собралась наконец-таки над вторым классом туча. Нависла, нависла над партами грозная пыжиковая шапка, зарницами засверкали сухие некрасовские глаза, и взгляд директора Губернаторова потускнел в сравнении с этим стихийным огнем.

Один только вид директора Некрасова вызывал чувство огромной ответственности, и слова, которые он готовился произнести, должны были прозвучать вулканически. И вот послышался отдаленный гром, который все нарастал, нарастал и взорвался наконец над головами. Это был просто кашель, но схожий с землетрясением, он вызвал уважение и трепет.

У Веры Мериновой сам собою развязался на косе бант, сполз на плечо голубой змейкой.

— Садись! — медвежьим голосом рявкнул Некрасов и махнул своей шапкой справа налево. И пока шапка была еще справа — второй класс стоял, а когда уехала она налево — все уже сидели на своих местах. И даже дошкольник Серпокрылов присел на корточки у печки.

— Скажите-ка, ребята, — сказал Некрасов. — Разве похож я на негодяя?

Пауза, только пауза могла появиться на свете после такого вопроса, пауза и полная тишина. Все что угодно ожидали ребята, они ожидали крика: «Где песец?», ожидали чего-нибудь вроде: «Ну, берегитесь!», но такого вопроса они никак не могли ожидать. Общее и пугливое недоумение охватило второклассников. Ошеломленно глядели они на директора Некрасова. Ни Павел Сергеич, ни директор Губернаторов тоже не ожидали такой постановки вопроса.

Однако вопрос был поставлен и требовал ответа.

— Я вас спрашиваю: похож я на негодяя или нет?

Ребята слегка зашевелились, стали переглядываться, но никто не решался, конечно, открыть рот и ответить, слишком уж необычным и опасным казалось такое дело.

— Вот ты, девочка, — сказал Некрасов и ткнул пальцем в Веру. — Ответь, пожалуйста.

В который уже раз вскочила Вера из-за парты и молча уставилась на директора Некрасова, как будто изучала, что, в самом деле — похож или нет?

— Что ты молчишь, будто в рот воды на-

брала? — подал голос директор Губернаторов. — Отвечай.

Вера покраснела, и неизвестно, чем бы все кончилось, если б в дело не вмешался дошкольник Серпокрылов.

— Ну, не похож, не похож, — сказал он, спасая Веру.

— Вот и хорошо, — обрадовался директор Некрасов. — На негодяя я не похож и на живодера тоже. Так вот, я вам говорю, а мое слово — закон. Я говорю вам, а вы слушайте: этого песца на ферме никто пальцем не тронет! Понятно? Ах, непонятно. Ну, так я объясню. Этого песца звать Наполеон Третий! Понятно?

Вздых удивленного облегчения прошел по классу, обстановка немного разрядилась, ребята стали даже перешептываться и подталкивать друг друга под бока.

— Наполеон! Вот здорово!

— Да, да, Наполеон Третий! — подтвердил директор Некрасов, чувствуя, что ледок начал таять. — Его дед был Наполеон Первый, а отец — Наполеон Второй. Так вот, слушайте дальше. Наполеон Третий еще недопесок, щенок, но он очень драгоценный зверь. Вы ведь заметили, какой у него прекрасный мех. Таких песцов, как он, на свете больше нет. Поэтому никто не собирается делать из него воротник. Этого песца мы будем беречь как зеницу ока, потому что собираемся вывести от него породу. Ясно вам? Это говорю вам я, директор Некрасов, а мое слово — закон.

Директор выждал некоторую паузу, давая второклассникам переварить сказанное, а когда решил, что все переварено, продолжал:

— Я не мастер много говорить. Я мастер много делать. Поэтому я добавлю вот что: все ребята, которых интересует звероводство, могут приходить на ферму. Мы организуем кружок звероводов, а вот эту девочку, которая здесь, кажется, главная, мы изберем старостой. Вы сами будете ухаживать за Наполеоном и другими песцами, а также норками. Больше я говорить ничего не буду. Решайте. Все.

Директор Некрасов махнул своей шапкой, с размаху нахлобучил ее на голову и сел. Внутрь его щелкнул какой-то выключатель, и глаза потухли.

ЧЕПУХА НА ПОСТНОМ МАСЛЕ

Мудр был директор Губернаторов, но директор Некрасов ни в чем ему не уступал. Два метких выстрела, и второй класс, как подбитый рябчик, лежал в охотничьей сумке директора и только лишь взволнованно трепыхался.

Слова директора Некрасова разворошили мысли второклассников, как ветер ворошит плохо сметанный стог. Разлетелись мысли во все стороны и только минуты через две снова собрались в стаю и потекли по новому руслу. А русло это оказалось весьма широким: Тишка-то был не Тишка, а — Наполеон! Вот это новость! И никто не собирался делать из него воротник. Но самое главное — это ворота, которые распахнулись перед ребятами — ворота в новый мир — на звериную ферму! Это, действительно, здорово! Недаром поется в песне, что нам открыты все пути.

— Забирайте Наполеона! — крикнул Миша Чашин.

— Он в бане сидит!

— Парится!

— Да здравствует Наполеон Третий!

Хорошо сразу и светло стало в классе, прояснились лица, раздвинулись стены и свободно уже умещали двух директоров.

— Кто хочет записаться в кружок? — крикнул Коля Калинин, и сразу поднялся над партами лес рук, будто кавалерийский эскадрон выхватил сабли наголо.

Коля достал клочок бумаги и с видом ученого секретаря стал записывать желающих записаться. Гвалт и вороний грай раздался в классе, засиял у окна Павел Сергееч, с гордостью поглядывая на любимый им второй класс, улыбнулся директор Некрасов, и даже в бровях у директора Губернаторова потеплело.

И вот в этот самый момент раздался хриловатый голос:

— Чепуха!
— Что — чепуха? — переспросил Павел Сергеевич.

— Все это чепуха, — повторил дошкольник.

— Почему чепуха? Какая чепуха? — зашумел народ, а дошкольник Серпокрылов снял с головы офицерскую фуражку. Надо сказать, что он делал это в исключительно редких случаях. Когда ложился спать.

ЗУБ ДОШКОЛЬНИКА СЕРПОКРЫЛОВА

Все-таки сегодня выдался удивительный денек. Скучать не приходилось.

Дошкольник помахивал рукой, успокаивая народ. Он явно собирался произнести речь, но не знал, как ее начать. Слова типа «ребя» или «пацаны» для такого случая не годились.

Когда класс немного затих, дошкольник простер ладонь свою к Менделееву и сказал:

— Товарищи!

Второклассники опешили.

Директор Губернаторов нахмурился.

Дошкольник понял, что попал в глупое положение. Ему захотелось тут же провалиться на месте, но крепко был школьный пол, который перестилал плотник Меринов.

— Филька бежит на Северный полюс, — упавшим голосом продолжал дошкольник. — Чего ж ему в клетке сидеть?

Он снова растерянно замолчал, как будто ожидая аплодисментов, но не дождался их. Стало страшно. Но деваться было некуда, и дошкольник ринулся в бой.

— Он сбежал с фермы, значит, там ему плохо. И теперь он бежит на полюс, потому что он сам северный. А на полюсе ему будет хорошо, хоть и холодно. У него там и дети народятся. Пускай он бежит на север, кому ж охота в клетке сидеть?

Дошкольник остановился. Он не знал, кончил свою речь или еще нет. Хотелось что-то добавить, но что именно добавить, он не знал.

— Это что еще такое? — изумленно сказал директор Губернаторов и взмахнул бровями, чтоб смахнуть дошкольника, стереть в порошок. Но тут директор Некрасов положил руку на плечо директору Губернаторову, успокаивая его. Директору Губернаторову такое потрепывание никак не понравилось. Не родился еще на земле такой человек, которому позволил бы директор Губернаторов трепать себя по плечу. Но директор Некрасов тоже был директор, и поэтому директор Губернаторов не стал скидывать с плеча его руку, но просто-напросто взял да и положил свою руку на плечо директору Некрасову. Потрепавши друг друга по плечам, директора успокоились, а потом директор Некрасов улыбнулся и пошел через весь класс прямо к дошкольнику Серпокрылову.

Директор Некрасов приближался и с каждым шагом улыбался все шире и веселей. Когда Серпокрылову улыбались, он тоже обычно не оставался в долгу. Лицо его, похожее все-

таки на заварной чайничек, засияло, заискрилось ответной улыбкой.

— А ты откуда взялся такой маленький? — ласково спросил директор Некрасов.

— Я, дяденька, тутошний, — ответил дошкольник, сияя.

Он улыбался так широко, что директор Некрасов сумел сосчитать все зубы, которые имелись у дошкольника в резерве.

— Семь штук, — сказал директор Некрасов. — Что ж это ты, парень, так обеззубел? Страшно небось к врачу-то ходить, зубы выдирать?

— А я, дяденька, к врачу не хожу, — ответил дошкольник, не оробевши ни на секунду. — Я свои зубы сам вынимаю.

— Хэ-хэ, — сказал директор Некрасов и подмигнул вдруг всему классу. — А ну-ка вынь для меня зубок. На память.

В классе кое-кто слегка засмеялся.

— Ну что ж, — солидно ответил дошкольник, — это можно.

Тут он вдруг поглядел тоскливо на Менделеева, а потом щелкнул пальцами да и выхватил изо рта у себя зуб.

Класс ахнул, а директор Некрасов побледнел.

— Берите, берите, — успокаивал его дошкольник. — У меня новые отрастут.

Директор Некрасов засуетился, снял для чего-то пыжиковую шапку, снова нахлобучил ее и осторожно принял зуб из рук дошкольника.

— Грррыхм, — кашлянул он и сунул зуб в нагрудный карман, из которого торчала золоченая авторучка.

— Нет, нет, — сказал дошкольник, — его надо бросить за печку и сказать:

Мышка, мышка!

На тебе зуб репяной,

А дай мне костяной.

— Ладно, ладно, — сказал директор Некрасов, приходя немного в себя. — Не учи ученого. Знаю, что делаю. Ты скажи, парень, как тебя зовут?

— Леша.

— Это верно, — солидно соглашался дошкольник.

— Вот ты хочешь на полюс, — расти, учись, станешь полярником.

— Я хочу быть танкистом.

— А насчет песка не огорчайся. Не в твоих силах помешать течению жизни.

— Это верно, — соглашался дошкольник.

— Взять, к примеру, меня, — продолжал Павел Сергеевич. — Всю жизнь мечтал быть художником, а не получилось.

— Ну уж нет, — возразил дошкольник. — Вы здорово рисуете.

— Ха-ха, рисую я и правда неплохо, а Репин из меня не получился. Мне только баню карасевскую рисовать.

Карасевская баня между тем действительно заслуживала рисования. Она так скособочилась, что никакой художник из головы придумать такого не мог. Крыша ее от старости посеребрилась, а между бревнами получились щели, в которые можно было просунуть кулак.

За всю свою долгую и жаркую жизнь не видала баня старика Карасева такого скопления народу. Шум, смех, громкие голоса перепугали ее, баня сильней скособочилась, а заприметив директоров, от страха осела в землю.

— Так вот в какую тюрьму спрятали вы Наполеона! — засмеялся директор Некрасов. — Ну, у нас на ферме ему получше. В такой квартире его крысы загрызут.

Смеясь, директор Некрасов распахнул со скрипом щелястую дверь и вошел в предбанник, из которого пахло дегтем и березовыми вениками. Директор Губернаторов решил не отставать и тоже вошел для чего-то в предбанник, проломивши головою низенький потолок.

Перевертывая ушаты и громяя листовым ржавым железом, неведомо для чего наваленным в бане, директора потолкались внутри и вылезли наружу.

— Черт знает что такое, — растерянно сказал Некрасов и развел руками. — Пусто.

— Это что за шутки! — грозно сказал Губернаторов, одним взглядом охвативши всех второклассников. — Это что за шутки! Где песец?!

— Там, там! — зашумели ребята. — Он там, в бане! Он должен быть там!

Заволновались второклассники, замахали портфелями, и тридцать три руки схватили за шиворот дошкольника Серпокрылова.

— Где песец?

— Стойте, стойте! Оставьте его! — говорила Вера, стряхивая чужие руки с дошкольника.

— Где Наполеон? — ревели возмущенные второклассники.

— Какой еще Наполеон? — отбивался дошкольник. — Не знаю никакого Наполеона!

— Говорю, где песец? Где Наполеон?!

— Сейчас сколько время? — спросил дошкольник, освободившись немного от дружеских тисков.

— Половина третьего, — сказал Павел Сергеевич.

— Ну что ж, — сказал дошкольник. — Я думаю, он уже на полюсе.

ОКРУЖЕНИЕ И ПОГОНЯ

— Где Наполеон? Куда ты его дел?

— Да чего вы пристали? — отвечал дошкольник. — Нет Наполеона! Я его отпустил! На полюс!

— Он его отпустил! — кричали второклассники, обманутые нагло и бесповоротно.

— Бей дошкольника!

— Это Верка виновата!

— Пригрела змею на груди!

От грозных криков еще больше съежилась карасевская баня.

— Товарищи директора! Мы ему доверяли! А он отпустил!

— Прекратить базар! — рявкнул директор Некрасов и даже пыжиковая его шапка побледнела от злости. Он выхватил из кармана зуб дошкольника Серпокрылова и растоптал его.

Дошкольник отошел немного в сторону, независимо, впрочем, выглядывая из-под офицерской фуражки. Он был готов ко всему.

А Вера растерялась, никак не могла понять, что же случилось? Да неужели и вправду дошкольник отпустил песка? Неужели серьезно толковал он о полюсе и можно ли верить в такую ерунду?

Вера поглядела на дошкольника и поняла раз и навсегда, что сомневаться не приходится.

— Это Верка виновата, — сказал Коля Калинин. — Она за него ручалась.

— Мы доверились!

— А ты, Меринова, — сказал директор Губернаторов, — придешь в школу с родителями.

Локтями, портфелями вытолкали второклассники Веру из своих рядов. Недолго продержалась Вера на вершине славы, все делала по справедливости, а все-таки пал на ее голову гнев второго класса, а бывший помощник ее Коля Калинин еще и обвинял ее во всем!

— Окружить деревню! — зычно скомандовал Некрасов.

— Закрыть все ходы и выходы! — поддержал его директор Губернаторов.

Размахивая портфелями, бросились второклассники, как воробьи, врассыпную, помчались выполнять приказ директоров. В мгновение ока деревня Ковылкино была окружена. Из-за каждого кустика, баньки, стожка выглядывали второклассники, и не то что Наполеон Третий — мельчайшая курица не вышла бы из деревни незамеченной.

Разбежались второклассники ловить Наполеона, ушли директора, только Вера и дошкольник Серпокрылов остались у бани. Они стояли поодаль друг от друга и каждый глядел под ноги.

На два дерева были сейчас похожи дошкольник и Вера, на два дерева, которые оторва-

лись от родного леса и стоят посреди поля. Вроде бы вместе растут, недалеко друг от друга, а все-таки поодиночке, и каждое само справляется с ветрами и непогодой.

Вера молчала из последних сил. Наконец она не выдержала, окинула дошкольника ледяным голубым взглядом.

— Зачем ты это сделал, Серпокрылов?

— Сама знаешь — ему надо на полюс.

— Какой полюс?! Ты мне-то зубы не заговаривай.

— Я точно знаю.

— Что он — сам тебе рассказал?

— Я проверил. По компасу.

— Ну что ты врешь? Откуда у тебя компас?

— Откуда надо, — ответил дошкольник и достал из кармана плоский и круглый предмет, сильно смахивающий на ручные часы. — Отцовский.

А ведь это и верно был компас, настоящий компас с красной стрелкой, на кончике которой виднелись остатки фосфора. Дошкольник дернул рычажок — и стрелка подскочила на месте, закрутилась, выискивая север.

— Он бежал на север, — сказал дошкольник, — от магазина до вашего дома — точно на север. От вашего дома к сосне — тоже.

— Ну и что?

— Значит, Наполеон бежал на север. Тогда я взял да и отпустил его.

Вера недоверчиво покачала головой, взяла компас и положила на ладонь — стрелка точно указала на ковылкинскую одинокую сосну. Там, где-то далеко за сосною, лежал Северный полюс — макушка земли — и над ним полыхало полярное сияние.

Вера осторожно шагнула на север. Дошкольник потянулся за ней.

ГОРА С ПЛЕЧ

Дорога на полюс шла точно через деревню Ковылкино, мимо магазина, школы, силосной ямы, мимо дома старика Карасева. И Вера шла по ней, глядя на стрелку компаса, и удивлялась, что никто не видит этой дороги и не ходит по ней.

— Как думаешь, поймают они Наполеона? — спросила Вера.

— Наполеон уже тютю, — свистнул дошкольник, — мчится на север. — И дошкольник подпрыгнул на месте и бешено задвигал локтями, показывая, с какой именно скоростью мчится Наполеон.

— Вот хорошо! — обрадовалась Вера. — Не нужно ему возвращаться на ферму.

— Он не вернется. А после праздников давай мы сами сбегам на полюс. Компас есть.

— А уроки-то? Я смогу только в зимние каникулы.

— Ну, ладно. Сбегаю вначале на разведку.

— А ты все-таки молодец, Серпокрылыч, — засмеялась вдруг Вера, — ловко ты всех околпачил.

— Я — солдат! — ответил дошкольник Серпокрылов и вдруг заметил почтальона дядю Ильюшу, который всегда наводил его на военные мысли.

— Первая рота справа, — зашептал дошкольник. — Вторая слева. Прикрывайте тылы.

Вера и глазом не успела моргнуть, как дошкольник пропал за углом, и сразу послышалась отчаянная пальба и крик: «В штыки!»

Бурная военная доля выпала сегодня деревне Ковылкино. Мало того, что деревня была окружена, в самом сердце ее гремел неслыханный бой.

Вера постояла на месте, соображая, к кому относится команда «прикрывайте тылы». С пятю минут прикрывала она тылы, как могла, но, чувствуя, что бой не утихает, пошла к дому. Разные мысли крутились в голове у Веры Мериновой, и, главное, решала она, что сделала правильно, а что неправильно.

Как только увидела Наполеона — сразу его покормила. Это, конечно, правильно. Потом привязала на веревку. Тоже правильно. Чтоб не убежал. Но если он спешил на полюс, тогда это неправильно. Но ведь она ничего про полюс не знала. Ладно, пускай веревка неправильно. Сажать на веревку всегда неправильно. Но зато в овраге все было правильно, и Вера хорошо сделала, что позвала Павла Сергеевича. Потом Наполеона посадили в клетку. И

вот тут уже не поймешь, правильно это или нет. Как государственную собственность его надо было посадить в клетку, но если он рвался на полюс — его надо было отпустить. И тут Вера сплеховала. Но зато исправилась — решила спрятать Наполеона. В общем, кое-что сделала она правильно, кое-что неправильно. Были в жизни ошибки, были удачи.

«Но зато теперь, — думала Вера, — теперь я за него не отвечаю».

И Вера вдруг почувствовала, что с плеч ее свалилась гора. Все! Больше она за песца не отвечает.

Оказывается, целый день Вера таскала гору на плечах, а даже и не заметила. Нелегкий выпал для нее денек.

Вера распахнула калитку и тут почувствовала, что здорово проголодалась. Долго тянулось классное собрание, наверное, обед уж в печке остыл. Ну ладно, главное — гора свалилась с плеч. Больше Вера ни за что не отвечает. Только за себя. Как это все-таки хорошо и легко — ни за что, ни за кого не отвечать. А обед можно разогреть на плитке.

Услышавши стук калитки, из конуры вылезла Пальма, ласково заворчала. Вера наклонилась погладить ее и вздрогнула.

Утомленно потягиваясь, из конуры вышел недопесок Наполеон Третий с мотоциклетной перчаткой в зубах.

Царственное появление Наполеона буквально сшибло Веру с ног. Она уронила портфель, упала на крыльцо. Ужасную усталость почувствовала Вера.

Гордый, независимый стоял Наполеон у входа в конуру. Как мантия, стелился по земле его императорский хвост и, как символ власти, держал он в зубах мотоциклетную перчатку.

Редкая выпала доля этой мотоциклетной перчатке. Пропахшая бензином, раньше она

только и знала что хвататься за рогульки мотоцикла, накачивать шины и каждую минуту чувствовала, что зависит от руки, на которую надета.

Удивительная судьба свела ее с Наполеоном — закружилась перчатка в вихре событий, попала в переpleты, какие не снились варежкам и рукавицам.

Наполеон на Веру внимания не обратил, снова направился в конуру, легким кивком головы пригласив туда и Пальму. Нет, жизненные передрыжки никак не повлияли на его характер — все те же благородные манеры, та же глубокая внутренняя культура чувствовались в нем. А шуба Наполеона выглядела теперь чистой, ухоженной. Видно, Пальма постаралась, выбила из нее пыль да грязь, помыла недопеска, причесала. Белей сахара блестела полоска на его носу черного бархата.

«Опять он здесь, — растерянно думала Вера. — Опять!»

Как только вылез Наполеон из конуры, Вера сразу поняла, что судьба Наполеона только лишь в ее руках и нужно немедленно, сию минуту решать, что с ним делать.

«Серпокрылыч», — подумала Вера и хотела уж бежать за дошкольником, но остановилась. Она ясно представила себе, что скажет дошкольник. У него была своя верная линия, которая вела прямо на Северный полюс.

Надо было самой решать, что делать: хватать Наполеона или отпустить на полюс.

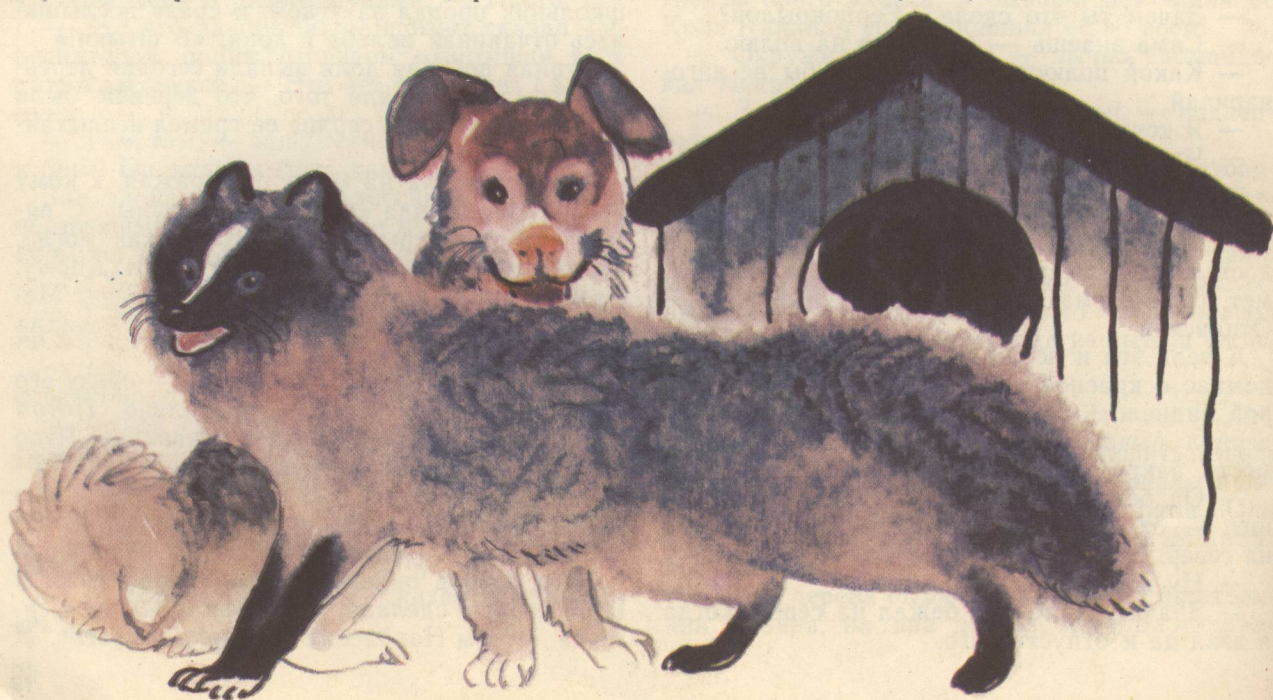
«Надо отпустить, — думала Вера. — Пусть живет на полюсе. У него будут детки. А как блестит полоска на носу! Отпущу. Пусть бежит на полюс».

На минутку стало легче.

«От него разведутся самые красивые песцы. Только не в клетке, а на воле».

Вера улыбнулась и успокоилась, только какая-то маленькая трещинка мешала успокоиться окончательно.

«Постой, — подумала Вера. — А ведь я его

— Ладно, — сказала Вера. — Подожду еще пять минут. Если уйдет — пусть уходит.

Она подождала пять минут, а потом растегнула портфель и вынула из него веревку.

ДРУЗЬЯ ЗВЕРОВОДСТВА

«Надо мне тоже завести пыжиковую шапку, — думал директор Губернаторов. — Это настоящий директорский головной убор. И солидно, и красиво».

Газик кружил вокруг деревни, безрассудно подпрыгивая на ковылkinской дороге. Директора рядышком сидели на заднем сидении и туго толкались плечами над самыми заковыристыми колдобинами.

— А то бывают еще шапки из ондатры, — сказал директор Некрасов, как бы прочитавши мысли своего собеседника. — Но самые лучшие — из песка.

— Лично мне нравится пыжик, — мягко подчеркнул директор Губернаторов.

— И мне тоже, — согласился Некрасов.

Директора улыбнулись, радуясь такому совпадению, но для Некрасова оно было все-таки приятней.

Кстати сказать, директор Некрасов давно уж замечал, что директору Губернаторову чего-то не хватает, и только сейчас понял чего: у директора Губернаторова не было пыжиковой шапки. А что такое директор без пыжиковой шапки?

У ковылkinского оврага газик остановился. В кустах бузины директора заметили странную фигуру с удивительной какой-то сосновой головой. Это был Коля Калинин, несущий дозорную службу. Для пушей маскировки он на-

не держу. Если он бежит на полюс — зачем в конуру забился?»

У Веры закружилась голова, от волнения так заколотилось сердце, что Наполеон даже выглянул из конуры — что это, дескать, колотится?

Он пристально глядел на Веру, будто сообщая, что ж она за человек — хороший или плохой, почему так странно смотрит и что собирается сделать.

А ты что делаешь здесь, свободный зверь? Зачем забрался в собачью конуру? Беги, если хочешь бежать, живи в клетке, если устал. Видно, не нужен тебе Северный полюс, тебя манит теплая конура, вчерашние щи. Но тут Вера Меринова ничего не может поделать. Наполеон Третий — государственная собственность и пусть тогда возвращается на ферму. Все, Наполеон, выбор сделан.

тыкал себе за шиворот сосновых веток и, как белочка, выглядывал теперь из них.

— Разрешите доложить! — по-солдатски рявкнул Коля.

— Докладывай.

— Наполеон нигде не замечен!

— Снимай посты!

Через десять минут все второклассники собралась у школы. Наполеона они не видали и ужасно хотели есть.

— Ребята! — сказал директор Некрасов, взойдя на школьное крыльцо. — Наполеона мы не поймали. Но кто ищет, тот всегда найдет. И мы найдем Наполеона. Он далеко уйти не может. Он будет крутиться около деревни, и мы должны быть начеку. Он придет в деревню за пропитанием. А пока — до свидания!

— Приезжайте к нам еще, — ответили второклассники, собираясь уж махать руками, но тут слово взял директор Губернаторов.

— Товарищи школьники! — сказал он. — Пионеры и октябрята! Вы все теперь юные друзья звероводства. И мы должны обещать директору Некрасову, что не будем смыкать глаз, пока не отловим этого Наполеона.

— Обещаем, обещаем, — подхватили друзья звероводства.

— Потому что Наполеон, — продолжал директор Губернаторов, — ценная зверушка и приносит пользу государству. Такие звери, как

этот Наполеон, являются настоящим золотом, потому что их шкурка дорого стоит. Она дорогая потому, что у него красивый мех.

— Правильно сказал товарищ директор Губернаторов, — подхватил Некрасов. — Очень большую пользу государству приносит наша звероферма. Только лишь за этот год мы сдали мехов на миллион рублей!

Услыхавши такие замечательные слова, директор Губернаторов хлопнул в ладоши, и юные друзья звероводства дружно зааплодировали. Портфели они зажимали под мышкой.

Директор Некрасов поднял руку, чтоб добавить еще что-то сильнее миллиона, да так вдруг и застыл.

С вытянутой к небу рукою директор Некрасов напряженно глядел вдаль, в глубину деревни Ковылкино. Оттуда, из глубины деревни, по дороге, перепаханной тракторами, медленно приближался к школе недопесок Наполеон Третий. Его вела на веревке второклассница Вера Меринова.

Наполеон остановился.

Вокруг были люди и заборы. Они заслоняли и север и юг.

Наполеон лег на землю и закрыл глаза. Точно так лежал сто шестнадцатый перед шофером Шамовым.

Люди молчали. Чуть заскрипело школьное крыльцо, послышались вкрадчивые шаги. Наполеон почувствовал запах кормовой смеси.

Кто-то подошел к нему. Вдруг крепко взял за шиворот и поднял в воздух. Закружилась голова, послышался далекий алюминиевый звон.

— Пойдите, — сказала Вера. — Возьмите вот это...

— Что такое?

— Это его перчатка.

— Ну и ну, — засмеялся директор. — Зачем же ему перчатка?

Второклассники тоже засмеялись.

Шофер со зверофермы уносил в машину Наполеона, крепко запертого в походную клетку. Наполеон проплывал по воздуху над головами второклассников.

— Умница, — сказал директор Некрасов, обнимая Веру за плечи. — Как тебя звать? Вера? А как ты учишься?

— Хорошистка, — вставил с крыльца директор Губернаторов.

— Ребята! — сказал директор Некрасов. — С этой девочки надо брать пример. Она по-

могла звероферме. Я хочу сказать ей наше звероводское спасибо.

— Пожалуйста, — тихо ответила Вера.

Чтоб не расплакаться, Вера сжала зубы и стала глядеть на одинокую ковылкинскую сосну, подпиравшую небо. Но вот и сосна покосилась набок, стала понемногу расплываться и слилась наконец с ковылкинским серым небом.

ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ КОВЫЛКИНО

Очень уж рано темнеет осенью в деревне Ковылкино.

Черные дома, крылатые сараи вбирают дневной свет и прячут его на чердак до завтра. Из погребов выползают сумерки, но так они коротки, что не успеешь посумерничать — приходит вечер.

С темнотою тихо становится в деревне. В иных окнах горит свет, а в остальных темно, там уж легли спать, там уже ночь.

Сегодня ночь задержалась. Во всей деревне горел свет, хлопали двери, скрипел колодец. Мамаши и хозяйки месили тесто, рубили лук и капусту для пирожков, хозяева разливали наливки.

Фрол Ноздрачев затеял резать свинью, вынес на двор лампочку в сто свечей, и огромная его тень легла на соседние дома, шевелилась на крышах и стенах ковылкинских сараев.

Мамаша Меринова хлопотала весь вечер, гоняла плотника то в погреб, то на колодец.

— Надо нам пельмени лепить, — говорил в этот момент слесарь Серпокрылов. — Ты слепишь сто штук и я сто штук, а тогда и спать ляжем.

— Давай, кто быстрее, — сказал дошкольник.

В окошко кто-то постучал. Слесарь Серпокрылов отодвинул закавказский лимон, выглянул на улицу.

— Вера! — обрадовался он. — Заходи, Вера.

Вера вошла в дом, остановилась у двери.

— Помоги ему пельмени лепить, — сказал слесарь. — А то он отстаёт.

— Ему помоги, — обиженно сказал дошкольник.

Но слесарь лепил пельмени великолепно.

Быстро он прикончил свою сотню, понес в погреб на мороз.

— Возьми, — тихо сказала Вера, протягивая дошкольнику мотоциклетную перчатку. — Это тебе.

— Положь на сундук. Руки в тесте.

Вера положила перчатку на сундук.

— Вовсе он не бежал на полюс. Он у Пальмы был.

— Ну и что такого?

— Значит, полюс ему ни к чему.

— Чепуха. Он забежал попрощаться.

— Это люди прощаются, — сказала Вера и печально покачала головой, — а звери нет. Он же не человек.

— Не человек, а тоже понимает.

— Нет, нет, звери не прощаются.

— Еще как прощаются.

— Значит, я виновата, — сказала Вера.

— Он снова сбежит, — успокоил ее дошкольник. — Теперь его не удержишь.

— За ним, знаешь, как будут смотреть.

— Сбежит, сбежит...

Долго тянулся вечер, задерживал, отодвигал ночь, но вот, наконец, она нахлынула на землю, погасила все окна, а в небе над одинокой сосною, сотканной из мельчайших звездочек, медленно помчался Орион. Тускло горела красная звезда на его плече, сверкал звездный кинжал, точно указывал острием на водокачку, отмечающую над черными лесами звероферму «Мшага».

Песцы уж давно заснули. Только Маркиз и сто шестнадцатый метались по клеткам, корябали решетки и глядели, не отрываясь, на свернувшегося в клубок Наполеона.

Долго в эту ночь не спал Наполеон, глядел на водокачку и слушал, как что-то бурлит, переливается в ее кирпичном брюхе.

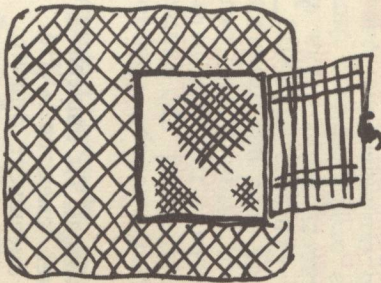
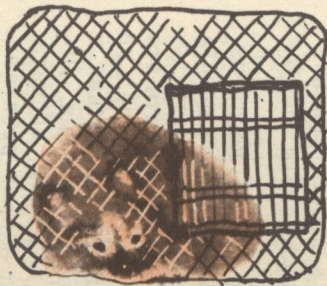
Издали, из деревни Ковылкино, доносился слабый собачий лай. Где-то далеко за деревней, за горбатыми домами и заборами лежал Северный полюс — макушка Земли.

Заснули Маркиз и сто шестнадцатый, в деревне Ковылкино заснул дошкольник Серпокрылов.

«Он снова убежит, — думал во сне дошкольник. — Теперь его не удержишь».

И действительно, ровно через месяц со зверофермы «Мшага» снова сбежал недопесок Наполеон Третий.

Следов не нашли.

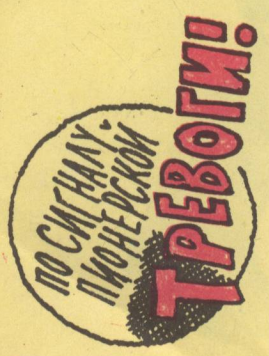

Конец

БАРАБАН

ЖУРНАЛ ЮНКРОВ «КОСТРА»

Сформление Г. Ковенчука

ОТРЯД РЯДОМ — ДОРОЖИ ОТРЯДОМ!
 Дорогой «Барaban»! У меня есть подруга В., не буду называть ее полного имени. Все над ней смеются, обзывают обидными словами. А все из-за того, что носит очки и ходит неуклюже, высоко поднимая колени. Напишите скорей в журнал, что делать!
 Лена С., город К.

Дорогая Лена! Ты пишешь: «Все над ней смеются...» Но ведь ты не смеешься? Значит, не все! Наверно, и еще кто-то не смеется, а просто отмалчивается, боится пойти против течения.

Лена! Вот случай, когда надо проявить мужество, встать на защиту человеческого достоинства. Только сделать это надо умно и деликатно, не травмируя В., не привлекая к ней излишнего внимания. Договорись с вожатым, воспитателем, с надежными ребятами. Вызовите зачинщиков на открытый разговор. Без В., конечно! Хорошо, если в вашем

ПИОНЕРСКОЕ ЛЕТО

РАЗВЕ ЭТО ПРАВИЛЬНО?

В нашем лагере все сигналы и команды подаются голосом по радио. А горнистам и барабанщикам просто делать нечего.
 Даже на линейках играет духовой оркестр.

Лена Волкова,
 Ленинградская обл.,
 пионерский лагерь
 «Красный Октябрь»

ОПЕРАЦИЯ «МАЛЫШОК»

Как только в совхозе начинается посевная, мы проводим операцию «Малышок»: старшие ребята сами забирают дошкольников из детского сада и играют с ними до прихода родителей.

Штаб Тимур,
 Мушковичская 8-летняя школа,
 Смоленская обл.

Неподалеку от поселка, на берегу Плюссы, сажали лес. Для посадки требовались семена сосны и ели. Почему-то получилось так, что семена ходил собирать один Вовка. Нас всех занимал футбол и еще рыбалка. А Вовка каждый день приносил из лесу большой мешок семян и отдавал лесникам.

Потом я уехал в Ленинград. Прошло несколько лет. На каникулах мы снова приехали в тот поселок. Многие там изменились, ребята выросли, а Вовка совсем уехал куда-то. Однажды я услышал, как соседские мальчишки говорят между собой: «Слушай, пошли в Вовкин лес за земляничкой». Я пошел за ними. Скоро пока-

ПОМОГАЮ МАМЕ

На ферме я делаю все, как мама. Ухаживаю за коровами, przygotowую и раздаю корм. Донтъ в ручную я умела еще во втором классе, а теперь освоила машинное доение. Мои любимцы — Яркая, Синичка и Метель. Яркая выделяется в стаде

разговоре примут участие и родители. К стати, предупредите зачинщиков: если не прекратят насмешек, «прославят» их «Барабан» на весь Союз! Пользуются тем, что В. девочка. Будь она мальчиком, защитила бы себя.

Держи нас, Лена, в курсе событий.

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ

Мы уже собирались отдавать «Барабан» в печать — как пришло новое письмо от Лены С., в ответ на наше. Вот что пишет Лена:

«Дорогая редакция! Большое спасибо за совет. Мы провели сбор о дружбе и обсудили все дела. Конечно, дали бой обидчикам. На сборе были и родители. Пока все идет хорошо».

Сергеев смело встал

В первом номере «Барабана» я прочитала про учителя К. М.. С таким-то учителем что! А у нас в пятом классе была В. И.. Она один раз огляла на уроке у Сергеева открытку и всему классу вслух стала читать. На этой открытке было написано поздравление одной девочке. Сергеев смело встал и сказал В. И., что она неправа.

Алла Рудикова,
Семипалатинская область

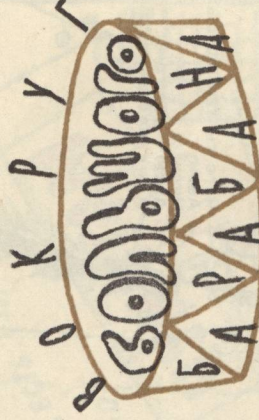
"Какие у вас условия на дружбу?"

Девочки пригласили нас с Ирой гулять. Они все время шли и перемигивались, а когда из дома вышли Саша с Игорем, перемигиваться перестали.

ЕЩЁ БЫ ОДИН ЛЕПЕСТОК

У нас в лагере был концерт-курс «Ромашка». Он проходил так. На столе жюри лежали сделанные из бумаги лепестки. На оборотной стороне каждого лепестка — задание отряда: или спеть песню, или прочитывать стихотворение, или сыграть сценку. Если отряд не выполнит задание, лепесток отберут. Для победы нам не хватило одного лепестка.

Лена Сергеева,
Кемеровская обл.

(Отклики читателей)

ли. Саша с Игорем протянули нам значки и спрашивают: «Какие у вас условия на дружбу?» Я этот вопрос никогда не забуду. Ну какие условия можно назначать для дружбы?!

Юля Митенкова,
Ленинград

А курить мы — слабаки

Я прочел в «Барабане» № 4 заметку о курильщиках. У нас

не только окраской, но и поведением: делает все наоборот. Синичка всегда тихонько мычит, как будто песенку напевает.

А Метель такая упрямая — лучше не связывайся. Но я к ней приносившаяся: чуть что — поворачиваюсь и делаю вид, что ухожу. Вот тут она и начинает волноваться: то за платье схватит, то вперед забежит и не дает пройти.

Когда я к ним день-другой не прихожу — скучают. Мама говорит, в эти дни даже молока меньше дают.

Гая Петова, 8 класс,
Горьковская обл.,
с. Каменки-Никольские

в школе тоже есть курильщики. Когда их развелось порядком, учитель физкультуры собрал всех главных куряк и говорит: «Вы слабаки». Те обиделись: «Это почему?» Он говорит: «Потому что курите». Они стали бицепсы показывать, а учитель говорит: «Ну хорошо, проведем эстафету — команда курящих против команды не курящих. Проиграете — бросите курить. Идет?» Курильщики согласились. Эстафета была трудная, с препятствиями, на выносливость. Куряки очень старались, но проиграла Костя Греков даже курить бросил за неделю до соревнований. Но слово сдержали не все. Только трое из семи. Вот какая у нас была эстафета.

Слава Седой,
Псковская область

зался берег Плюсы. На берегу стройными рядами зеленели маленькие елочки. Я спросил мальчишек: «Почему вы говорите — „Вовкин лес“?» — «А Вовка сажал». — «Какой Вовка?» — «А не знаем...»

Тогда я рассказал им эту историю.

Андрей Демянович,
Ленинград

Золотое солнце
В золотой рубашке
Всюду разбросало
Желтые ромашки.
В золотистой раби
Светло-желтых вод
Желтые кувшины
Водят хоровод.
Золотые блики
Солнечного света...
Это все веснушки
На щеках у лета!

Света Иоселевская,
Ленинград,
1 школа, 6 класс

ПИОНЕРЫ — В «ГОЛУБОМ ПАТРУЛЕ»
Из Южно-Сахалинска пишут: «БАРАБАНА! Неподалеку от нашего города есть поселок Березняки. На всю страну он славится рыбозаводным заводом.

При восьмилетней поселковой школе вот уже шестнадцать лет действует пионерский «Голубой патруль». Напиши, пожалуйста, об этих ребятах!»

Ответ на просьбу читайте на странице 3.

ВОТ
ЭТО
ДА!

НАШ
ФОТОКОНКУРС

Сочувствие...
Юра Шехтер

Фотографировать меня научил папа. Сейчас занимаюсь в фотокружке Дворца пионеров. У нас хороший руководитель — Николай Прокофьевич Бургилов. Он учит нас любить и понимать природу. Он добрый, с ним всегда интересно. Конечно, нам еще далеко до своего учителя. Снимки у него замечательные! Особенно природа, птицы, звери... А как интересна история каждого снимка!

Бывают такие горе-фотографы: снимают с экрана телевизора, сидя на диване. Просто чтобы убить время. А вот у нас в кружке есть Гуляев Валера. Он семиклассник, младше меня — а второй год сам ведет кружок при клубе «Алые паруса». В кружке семеро мальчишек, занимаются четыре раза в неделю. Валера говорит — есть способности.

Юра Шехтер, 8 класс, Петрозаводск

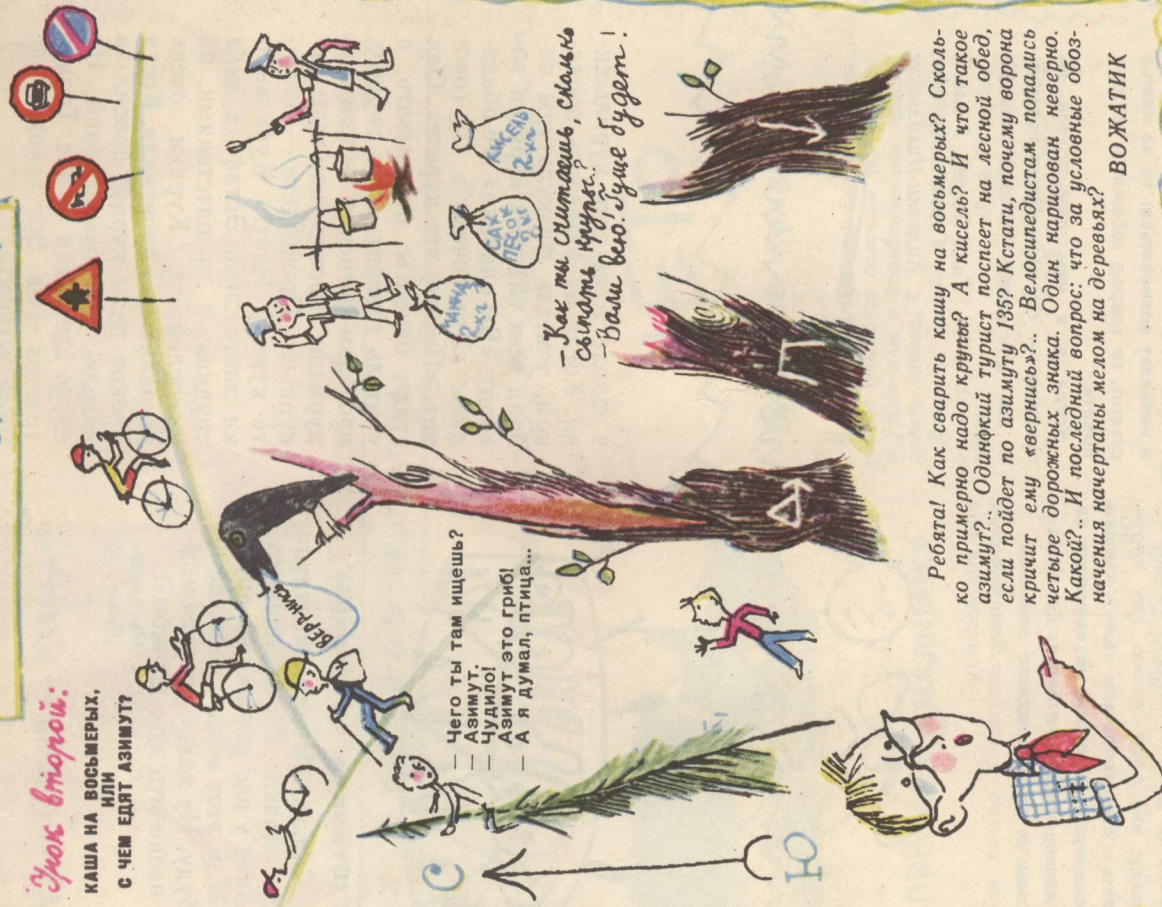
Во всеоружии!

Сергея Герасимов

Школа Вожатика

Урок второй:

КАША НА ВОСЬМЕРНЫХ,
ИЛИ
С ЧЕМ ЕДЯТ АЗИМУТ?

Профессор
Звездный

3444

BOCF

BOCF

У меня такой красивый свитер — красивый, лохматый! Я его даже все лето носил. На меня люди оглядывались. Наверно, свитер им понравился.

Сеня Волков,
Псков

Я не хотел драться, а ребята говорят: «Серега сильней тебя!» Я подошел к нему, а он начал меня тузить. Тогда я его прижал, у него почему-то кровь из носа пошла. Я хотел его отпустить, раз так, а он говорит: «Отпустишь — хуже будет!» Раз так — я его не отпустил. За это у меня отобрали дневник. Я очень удивился, но мое удивление никто не понял.

Леня Ознев,
г. Остров

Меня учительница в угол поставила, а я говорю: хорошо, я только ученик по русскому возьму, чтоб без дела не стоять. Сейчас ведь русский, а я его люблю. Я честно сказал, а она говорит: иронизируешь! Я не знаю, что это такое, но думаю, что плохо, а я честно сказал!

Коля Б.,
Великие Луки

На уроках мы учимся, а на сборах совещаемся, как лучше учиться.

Дина Вергушева,
Липецкая область

Я люблю читать книжки, в которых встречаются слова «вдруг» и «однажды».

Симферополь
Маша Иголкина

НАХОДЧИВЫЙ ПАЛОЧКИН

Здесь делают чукоты
отвезающим в лагерь

- Иванов, ты мне друг?
— Друг.
— Поклонись.
— Зуб даю!
— Как друга прошу,
сделай за меня укол!
— Да-а, я и сам-то боюсь...
— Ах так! Тогда давай зуб.

Вот я думаю — как строили египетские пирамиды? Кранов-то подъемных не было, вертолетов тоже не было. У нас в классе некоторые ребята говорят, что эти пирамиды построили таинственные пришельцы.

Сева Кузьмин, Тула

Дорогой Сева, среди ученых существует мнение, что пирамиды сооружались с помощью наклонной насыпи, возводимой бок о бок с пирамидой. Строительный камень втаскивали по насыпи на полозьях. Это мнение подтверждается и мольдами росписами, и текстами папирусов, и сохранившимися до наших дней остатками насыпей. Так что «пришельцы» тут ни при чем.

Проф. Эвээмский

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОТА-КАРАКОТА

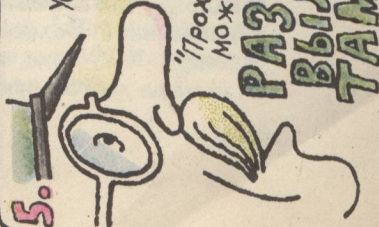
1. Легче вести
жизнь простого,
чем творить
на дороге
идею.

2. ...МКА! ...НЕСМЕИ!

НЕ ДРЕМАЛ
ХАТЫЙ ТАМОЖЕННИК —
В ДОКУМЕНТЫ ВНИК,
В ЧЕМОДАНЫ ВНИК,
ПОКОСИЛСЯ НА
ВОРОТНИК...
"ПРОХОДИТЬ, ГОВОРЯТ
МОЖНО."

РАЗРЕШАЕТ
ВЫЛЕТ
ТАМОЖНЯ!

И вот-в поднебесье летит
самолёт, а в самолёте
спит каракот..

Туристы иностранные,
одежды странные...
У дамы на плечах
шкура котика...

8. Кричит
ПОПУГАЙ, КАК-БУДО
ЕГО НАДУГАЛИ:

Несмотря на разруху и войну, вет-
намские дети продолжили учиться
в школах. Их вывозили в отдаленные,
относительно безопасные районы.
Звук барабана собирал детей на за-
нятия, он же предупреждал их о на-
летах вражеской авиации. И вот —
война позади. Налетов больше нет.
У школьного барабана осталась одна
забота: провозглашать начало учеб-
ного дня!

НАЙДИ В СЕБЕ ПУШКИНА

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

*Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал?
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?*

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

Это грустное стихотворение называется «26 мая 1828», — оно написано Пушкиным в день, когда ему исполнилось двадцать девять лет. День рождения — праздничный для каждого человека, и вдруг самый оптимистический, жизнерадостный из русских поэтов посвящает этой дате такие трагические стихи. Чем объяснить горечь этих строк — случайностью или закономерностью?

Тремя годами раньше, томясь в Михайловской ссылке, Пушкин писал:

*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смиришь:
День веселья, верь, настанет.*

Что произошло за эти три года, что заставило поэта перейти от надежды к безнадёжности?

Между двумя стихотворениями пролегла пропасть — 14 декабря 1825 года. В 1828 году Пушкину не могло быть весело; мы хорошо знаем это из его биографии, из истории нашей страны.

Май 1828, через два года после казни декабристов. В памяти Пушкина еще живо было прощание с уезжавшей к мужу на каторгу Марией Николаевной Волконской: он встретился с ней в конце 1826 года в Москве. Это был первый этап на ее долгом пути в Нерчинск.

Трагическим героем вырос Кюхля, друг детства. Над ним столько смеялись в Лицее, он был так нелеп, так уморителен. Длинная фигура во фризовой шинели и меховой шапке была бы смешна и теперь, но вокруг стояли жандармы. Кюхельбекера везли из одной тюрьмы в другую; Пушкин ехал из Михайловского в Петербург. Они встретились случайно на станции Залазы. «Жандармы нас растащили», — записал Пушкин на другой день, в октябре 1827 года.

Весна 1828 года не могла быть веселой. Еще не кончилось политическое следствие по делу о стихотворении Пушкина «Из Андрея Шенье». Уже готовились новые допросы. Шеф жандармов Бенкендорф писал Пушкину: «Принятое вами правило будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству есть правило опасное для общего спокойствия...»

Нет, не случайно в день своего рождения Пушкин приходит к горькому выводу:

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум...*

В том же, 1828 году написано стихотворение «Предчувствие»:

*Снова тучи надо мною
Собрались в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?..*

Опять — невеселые стихи. И снова в них — сомнения, вопросы к самому себе. Пушкин ответил на оба вопроса делом: он сохранил и презрение к судьбе, и непреклонность своей «гордой юности». А это было нелегко.

Откуда же возникали силы на непрестанную борьбу с безнадежностью, в которую погрузилась Россия после 1825 года?

*...И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут...*
(«Осень», 1833 г.)

Труд поэта — часто мучительный, беспощадный, не дающий отдыха — этот труд был для Пушкина источником силы и радости. Многим людям судьба и жизнь писателя — не только Пушкина, любого писателя — представляется увлекательной, особенной, интересной уже потому, что труд пишущего человека — всегда творчество, всегда поиски и находки. Это очень неправильное представление. Не существует работы, которая неслала бы в себе одни радости. Писатель, как всякий другой человек, испытывает и сомнения в своих силах, и неуверенность, и страх, и разочарование, и самую обыкновенную лень, нежелание садиться за письменный стол — надо преодолевать себя, искать в своей душе силы на труд... И с Пушкиным было все это — минуты отчаяния и неверия, долгие часы и дни, когда работа не шла, «не писалось». Но его душевный мир был и в эти мучительные периоды наполнен размышлениями о жизни, книгах, о природе, любви, о друзьях.

Стихотворение «19 октября 1825 года» включено в школьную программу, мы «проходим» его в классе и потому считаем хорошо знакомым,

а между тем сколько ни перечитываешь эти стихи, каждый раз находишь в них новое, неожиданное.

Все ли, например, обратили внимание, что это стихотворение состоит из девятнадцати строф? Может быть, следует напомнить: 19 октября — дата открытия Царскосельского лицея, день, когда впервые встретились мальчики, сохранившие свою детскую дружбу на всю жизнь. Пушкин написал не одно стихотворение, посвященное этому дню, но «19 октября 1825 года» осталось в сознании читателей гимном истинной дружбе. Что же такого особенного в этих стихах?

Девятнадцать строф — может быть, случайно, а скорее всего, намеренно количество строф соответствует цифре, ставшей для участников лицейского братства священной, — 19 октября.

О чем эти строфы? Мы привычно отвечаем: о дружбе. Перечитывая стихи, видишь: не все так просто.

*Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле, —*

первые две строчки производят впечатление удивительной простоты и четкости, хотя в каждой из них есть по одному слову, не очень привычному для нашего сегодняшнего слуха: багряный, сребрит...

Слова старинные, торжественные. Они были такими и в пушкинское время. Поэт настраивает читателя на возвышенное, серьезное и печальное отношение к тому, о чем пойдет речь.

19 октября 1825 года, он одинок в Михайловской ссылке, в своей «пустынной келье», среди «горьких мук», и никто еще не может знать, что через два месяца судьба переменится: друзья, которых он сегодня вспоминает, станут узниками, а Пушкин будет помилован новым царем, Николаем I, выпущен из ссылки — но милость эта обернется горькой бедой, потому что друзья, братья, Пущин и Кюхельбекер, будут в тюрьме.

*Печален я: со мною друга нет,
С кем горькую запил бы я разлуку...*

Один в глухой деревне, под строгим надзором, он твердо знает: «на берегах Невы меня друзья сегодня именуют...» — и не может не думать, не помнить сегодня о тех, кто пришел на общий праздник, и о тех, кто не мог прийти: Корсаков погиб, Матюшкин — в плавании.

Всего четыре строчки посвящены самому близкому человеку:

*Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил,
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.*

Когда-то мне казалось, что Ивану Пущину необыкновенно повезло в жизни: он оказался в Лицее вместе с Пушкиным, они жили в соседних комнатах, подружились — мы все знаем, помним Пущина потому, что он был другом великого поэта.

Теперь, когда я больше знаю об Иване Ивановиче Пущине, о его поведении во время следствия над декабристами, о его жизни на каторге и в ссылке, я иногда думаю: а может, это Пушкину повезло, что на его пути встретился такой человек, оказал на него влияние, осветил его жизнь даром своей дружбы?

Пущин был благороден и добр. Он никого не назвал на следствии, и все долгие годы в ссылке именно Пущин заботился обо всех декабристах, их женах, детях, собирал деньги для тех, у кого не было денег, поддерживал павших духом, сидел у постели умирающего Кюхельбекера — доброта его была деятельной, всеобъемлющей; недаром и к опальному Пушкину он приехал первый из всех лицейских друзей.

Может быть, именно этот душевно щедрый, безоглядной доброты человек научил Пушкина тому терпению, которое он позже назовет рядом с непреклонностью лучшими качествами своей «гордой юности».

В «19 октября 1825 года» Пушкин вспоминает не только Пущина и Дельвига, специально при-

езжавших в Михайловское навестить друга, но и случайно встреченного лицейского товарища Горчакова. На самом деле все было не так, как в стихах. Не Горчаков приехал к Пушкину, а Пушкин — к Горчакову, который был неподалеку от Михайловского у своего дяди, заболел — тогда Пушкин решил навестить его, провел с товарищем целый день и остался не так уж доволен этой встречей. «Мы встретились и расстались довольно холодно, — писал Пушкин Вяземскому. — Он ужасно высох...» Горчаков в то время делал блестящую карьеру; его, может быть, испугала встреча с опальным поэтом — обо всем этом Пушкин мог писать в письмах. Но стихи, посвященные лицейскому братству, нельзя было осквернить. Пушкин не обманывает ни себя, ни читателей — он старается увидеть доброе, хорошее зерно даже и в высохшем Горчакове. Слишком дорого ему лицейское братство, слишком важно сохранить его чистоту.

История с Горчаковым каждый раз заново удивляет. Пушкин — страстный, обидчивый, готовый в любую минуту вспылить, умеющий постоять за себя, оградить свою честь, — этот самый Пушкин так терпеливо отмечает все, что может бросить тень на его юность. Он пишет о Горчакове:

*...Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.*

Человеческие отношения не создаются сами собой, их строят люди — своим терпением, готовностью пожертвовать и обидой, и вспыльчивостью; сколько искренних дружб разваливается, гаснет из-за того, что мы не хотим поступить своим самолюбием, ложно понятой гордостью. Оказывается, Пушкин умел и это, умел обуздать себя, свой нрав, ради сохранения дружбы.

«Дар напрасный, дар случайный...» Имел ли он право так говорить? Легко нам теперь судить — конечно, жизнь Пушкина не была ни напрасной, ни случайной, эта жизнь обогатила каждого из нас, он оставил нам столько книг, и мыслей, и чувств. Но ведь это была его, единственная жизнь, он был человек — не только поэт, не только гений! — он был просто человек, имел право на печаль, отчаяние, тоску.

Имел право. И всегда преодолевал отчаяние. Даже в последние годы жизни, придя к горькому выводу: «На свете счастья нет...» — он возмражает себе: «...но есть покой и воля».

Пушкин хорошо понимал свою эпоху, свой «жестокий век». Сам он считал своей заслугой, что «прославил... свободу и милость к падшим призывал». И мы никогда не забудем этого. Но Пушкин оставил нам и многое другое: Пушкин оставил нам свое понимание счастья, любви, дружбы — и все это хранится в нас, живет в каждом человеке, нужно только найти в себе Пушкина, бережно вырастить то, что он заронил в наши души.

*Н. Долинина
Рисунки А. Морева*

**О научной
конференции
на Урале,
изучении
следопытами
истории
„Пугачевского
бунта“
и школьном
музее в Бердах**

Заседание совета музея

«Радует любовь ребят к прошлому своей родины, та увлеченность, с которой они собирают и обрабатывают материал. Большая заслуга в этом и их учителей.

От души желаю Вам успеха».

Академик Л. В. Черепнин

Из книги отзывов школьного музея в Бердах

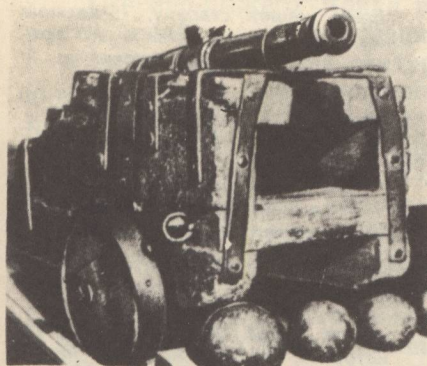
Ученые из разных городов Советского Союза съехались в Оренбург на конференцию, посвященную 200-летию крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева.

Участники конференции слушали доклады, совершали экскурсии по городу, смотрели театральные спектакли на историческую тему...

В 1833 году с целью сбора материалов для работы над «Историей Пугачева» Александр Сергеевич Пушкин предпринял поездку на Урал.

19 сентября Пушкин посетил Берды — казачье село близ города Оренбурга. Бердская слобода была центром повстанческой армии.

В Бердах стоял «дворец Пугачева» — изба, обитая латуною.

**Макет пушки
сделан учениками
В. Газукиным
и С. Мищенконым**

**ПУГАЧЕВ
ПЕРЕД ОРЕНБУРГОМ
Рисунок Оли Крюкиной**

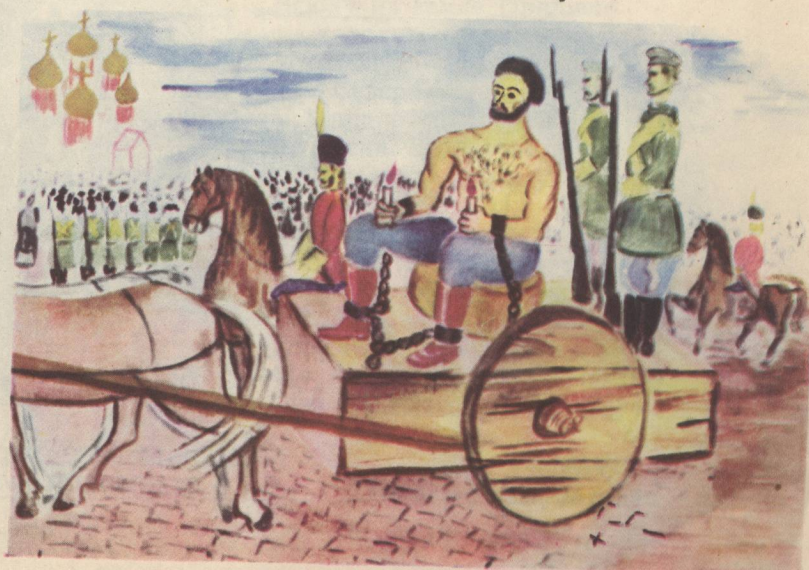
**Макет клетки, в которой
содержался Пугачев,
сделан учениками
В. Козловым и С. Паничкиным**

РАЗГОВОР ПУГАЧЕВА

С КРЕСТЬЯНИНОМ Рисунок Рая Мурнаевой

ПУГАЧЕВ ПЕРЕД КАЗНЬЮ Рисунок Сережи Суслова

Экскурсию проводит Валя Смирнова

В один из дней участников конференции повезли в Берды. Пушкинское место вызвало у всех большой интерес.

Экскурсию проводит Гена Мордвинцев

...Автобус остановился у здания современной архитектуры — средней школы № 14. Занятия в школе уже кончились, но гостей ждали. Пионеры в праздничной форме обступили экскурсантов и вместе поднялись на второй этаж.

На стене табличка: «Музей — филиал Оренбургского краеведческого музея. Открыт 10 сентября 1973 года».

Вступительное слово директора школы Александры Александровны Муратовой.

— Наш музей совсем молод. История его создания — часть истории нашей школы, нашей пионерской организации.

Без помощи наших шефов — Бердского нефтемазозавода и Оренбургского краеведческого музея мы не смогли бы создать все то, что вы видите.

Сейчас наши ученики проводят экскурсию по нашему музею.

Из рассказа экскурсовода. Ученицы 9 класса Вали Смирновой.

— 6 ноября Пугачев с яицкими казаками перешел в самую слободу.

С каждым днем силы Пугачева увеличивались. Войско его состояло уже из двадцати пяти тысяч; ядром оно были яицкие казаки и солдаты, захваченные по крепостям, но около них скопилось неимоверное множество татар, башкирцев, калмыков, бунтующих крестьян.

Войско разделено было на полки, состоящие из пятисот человек. Учреждены были и частные разъезды и караулы. Пугачев строго наблюдал за их исправностью, сам их объезжая иногда и ночью.

Учения (особенно артиллерийские) проходили почти каждый день».

— В Берде Пугачев жил в доме Кондратия Ситникова.

«ИСТОРИЯ
ПУГАЧЕВСКОГО
БУНТА»,
Пушкин

Из воспоминаний писателя В. И. Даля, сопровождавшего Пушкина при поездке в Берды.

«Мы поехали в Берды, бывшую столицу Пугачева. Пора была работать, казаков ни души не было дома; но мы отыскивали старуху... которая знала, видела и помнила Пугачева. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец, где разбойник казнил несколько верных долгу своему сынов отечества; указали на гребни, где, по преданию, лежит огромный клад Пугачева...

Старуха спела также несколько песен, относящихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец».

Из письма А. С. Пушкина к жене (2 октября 1833 г.)

В деревне Берды, где Пугачев простоял шесть месяцев, имел я удачу, нашел старуху, 75-летнюю казачку, которая помнит это время... Я от нее не отставал».

От Петербурга до Берд 1600 километров по плохим российским дорогам

«То в коляске, то верхом
То в кибитке, то в карете
То в телеге, то пешком», —

проделал эти километры Пушкин.

«Я не хотел бы иметь другую историю, кроме истории наших предков».

Эту любовь Пушкин завещал нам — по крохам собирали

ПУГАЧЕВ
Рисунок Лены Бакуровой

ПУШКИН БЕСЕДУЕТ
СО СТАРУШКОЙ БУНТОВОЙ

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ В БЕРДАХ
Рисунки Ирины Писаревой

экспонаты для этого зала. Писали в Пушкинские музеи страны. Просили помочь. Были рады каждой фотографии, книге, газетной вырезке. Много работали сами. Делали макеты, окантовку, лепили скульптуры. Рисовали, стараясь запечатлеть на бумаге картины, вставшие перед глазами.

Экскурсия по музею закончилась, и в книге отзывов появляется много восторженных записей.

На участников конференции школьный музей произвел самое сильное впечатление из всего увиденного в Бердах.

Еще В. Г. Белинский писал:

«Придет время, когда Пушкин будет в России поэтом классическим, по творениям которого бу-

дут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство...

Конечно, придет время, когда потомство воздвигнет ему вечный памятник...»

Один из камешков этого памятника — музей в Бердской школе.

К. Севастьянов

ПО ТРОПИНКЕ

— Я вас спрашиваю, вы собачий язык понимаете? О чем тогда с вами разговаривать... А охотничий? Как! И его не знаете? Брехнуть, что ли? Вот я, вроде и не человек, а простой ирландский сеттер, но понимаю и что значит «бить прут», и что чутье бывает «как уголек», и многое другое.

Вы спросите, кто меня этому научил? Мой хозяин, егерь Михал Михалыч. Может, вы и книжку не читали, в которой Михал Михалыч и про меня написал?..

Огненно-рыжего Ярика вы встретите на страницах книги «Лисичкин хлеб». Издательство «Детская литература» составило ее из рассказов замечательного русского писателя Михаила Михайловича Пришвина.

Страстный охотник, Пришвин сам нередко называл себя егерем. Одна из его книг так и называется: «Записки егеря Михал Михалыча». Но этот человек ходил по лесам и болотам не только с ружьем и котомкой, обязательно — с записной книжкой. И главной добычей его была не куропатка, и даже не тетерев, а слово. Услышанное в глухой деревушке и в сторожке лесничего, напетое весенней птицей и нашептанное листопадом, блеснувшее в излучине реки и прозвеневшее мартовской каплей, омытое грозой и овеванное ветром русское слово.

«На родине у нас даже синицы по-русски поют, — писал он. — Кажется, на родине и одуванчик разлетается по-своему. А все это вместе между людьми сливается и расходится языком из уст в уста по стране. Нужно это испытать, чтобы понять совершенно». Мы часто говорим: «природная русская речь». А для Пришвина, выходит, она была речью самой природы.

И он всю свою жизнь постигал природу, чутко, как художник, и внимательно,

как исследователь. Она поддавалась, обезоруженная этим терпением, и один за другим отдавала ему ключи от своих тайн. Каждое дерево в лесу, каждый цветок на поляне известны Пришвину. И звериный след на земле, и птичий крик в вышине — все это ему вдомек. И все это оживает на страницах его книг.

«Если бы природа, — писал Константин Паустовский, — могла чувствовать благодарность человеку за то, что он проник в ее тайную жизнь и воспел ее красоту, то прежде всего эта благодарность выпала бы на долю писателя Михаила Михайловича Пришвина». Кто знает, может быть, она и чувствовала эту благодарность по-своему, ведь природа открывается не всякому сердцу — только любящему.

Этой любовью к нашему лесу, к тем, кто бегают, летает, крадется и шуршит в нем, отмечен каждый из рассказов книги «Лисичкин хлеб». Читаешь ее — и будто сам бродишь по холмам и низинам, дышишь озерным и лесным воздухом. И словно начинаешь понимать голоса зверей и птиц и открывается тебе сокровенная речь русской природы...

Многое узнаешь, читая эту книгу: и почему у оленя по шкурке рассыпаны частые белые пятнышки, и как тетерева от ястреба в снегу спасаются, и зачем рябчиха, завидев Ярика, притворяется раненой. Даже в не однажды виданных, самых обычных вещах много удивительного и красивого.

Всюду на земле Пришвин умел находить прекрасное. В поисках красоты ходил он по лесам Севера, Дальнего Востока, родной ему Центральной России. Весь путь своей жизни сравнивал он с лесной тропинкой. Она была для него знаком союза людей и природы.

Этой тропой согласия с природой, тропой любви к родной земле поведут вас его рассказы.

Обязательно прочитайте их.

В. Смык

На выставке „Костра“

КАК Я РИСУЮ

Книжку «Лисичкин хлеб» М. Пришвина иллюстрировал художник Н. Устинов. Он же делал рисунки ко многим книгам о природе, о животных. Но чтобы рисовать наши леса, степи, птиц и зверей, надо хорошо их знать.

Мы попросили художника рассказать, как он рисует.

Мне приходится рисовать книжки о природе и животных. В зоопарк хожу; рисовать в зоопарке, на людях, непросто. Тебе жарко дышат в затылок, толкают под руку, замечания делают, малыш пытается вскарабкаться по твоей ноге, чтобы посмотреть. Но в наших городских условиях зоопарк — единственное место, где можно увидеть и порисовать зверя в движении; а вот после этого хорошо его в природе посмотреть. Ну, там он другой совсем, все время в напряжении, как пружина, иначе он останется голоден или съедят его. На своего вялого и равнодушного собрата в зоопарке он не похож. Я в степи бегущих волков видел, как они в несколько секунд растаяли, — куда там зоопарк. Один товарищ-писатель два года назад пригласил меня с собой на Дальний Восток — Сахалин и Курилы. «Котиков, — говорит, — посмотрим. Горбуша в это время на нерест идет. И, если нам очень повезет, в землетрясение попадем и цунами увидим».

Поездка на Дальний Восток — штука довольно дорогая, ехал я вроде бы без конкретной цели, но ехать стоило, зарядился я там как следует, хватал впечатления, рисовал много, фотографировал. (Двенадцать пленок снял! Проявил — ни одного кадра, пусто! Оказывается, объектив забывал выдвигать!)

Остались только рисунки. Край удивительный, на нашу Европу не похож. Вот о котиках. В Москве пара их есть — самочка ростом с большую собаку (я имею в виду длину, потому что котик — тюлень и на ногах не стоит); самец крупнее. В кафельном бассейне им неудобно, хлопают лапами и противно кричат. А вот крошечный островок, куда каждую весну приплывают из океана котики, держатся до осени, выводят детенышей и уходят опять. И так из года в год. Здесь же их и добывают — ради прекрасного их меха. Дело в том, что котик — зверь очень редкий, и их лежбища во всем мире можно пересчитать по пальцам: немного у нас, немного у американцев, вблизи Аляски — и все. Поэтому промысел их ведется очень разборчиво.

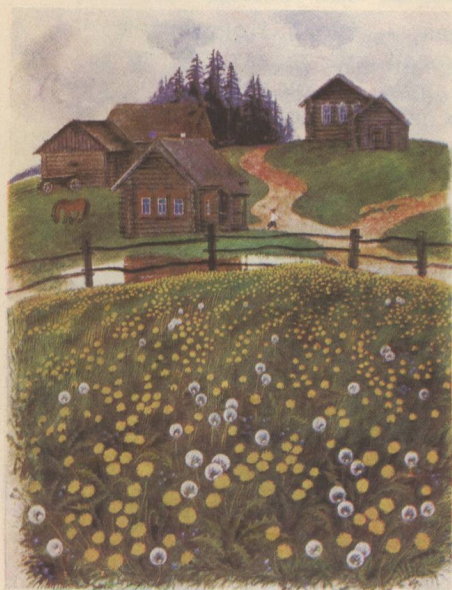
А приятель мой таки сдержал слово насчет землетрясения. Оно посетило нас на острове Шикотан — землетрясение и цунами. Цунами — это волны, это расходящиеся по воде огромные круги от подводных землетрясений, причем такая волна опасна, она выбрасывает на берег суда — такие случаи были. Землетрясение было, по местным масштабам, не очень сильным (баллов семь, а в Ташкенте было шесть), и последовавшее цунами тоже не ахти какое — высота волны метра два, но зато момент, когда у тебя вдруг рванули из-под ног почву, а также тревогу ожидания (прекратили работу рыбзаводы, поднялись на холмы люди, вышли в открытое море суда — вот сейчас волной даст!) мы пережили. Вот все это, а также наше путешествие на мыс Край Света, блуждание по тайге (сейчас-то вспоминать весело, но тогда было страшновато...) я нарисовал.

Обычно роешься в рисунках и выбираешь по крупницам, что можно в книжке использовать, поэтому материала во время путешествия надо хватать возможно больше, все это груз полезный, рано или поздно пригодится.

В Кушке змеелов рассказывал мне про змей, варанов и даже шкуру подарил — без головы, правда. Помню, в Туркмении женщину рисовал — платков на ней цветных множество, под широким платьем брючки такие, детей обязательно куча, рядом огромные, как белые медведи, собаки — уши коротко подрезаны, потому что с волками дерутся, они пастушеские собаки... Вот теперь я это все знаю...

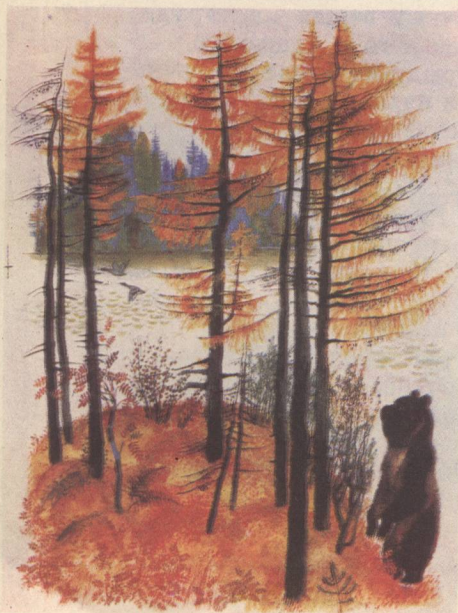
Как-то случилось, что много пришлось рисовать медведей.

Я очень люблю косопалых, в зоопарке рисовал их много. Экая прелесть, когда большой этот и опасный хищник конфету ест, себя лапой по животу хлопает, а живот у него трогательный, светлый и реденькими волосами покрыт. Уж о медвежатах и не говорю на площадке молодняка. А в Ленинграде есть аляскинский медведь-кадьак. Тот рыжий, как сеттер, и размеров чудовищных. Очень симпатичные, очень привязчивые к человеку звери, дрессируются замечательно. У нас в Ярославской области медведей. Раньше они водились там в изобилии, даже на гербе Ярославля медведь есть, а сейчас — большая редкость. Выпустили; один из них выходил на дорогу, где подстерегал идущих из селы колхозников, и отнимал у них хлеб.

Рисунки к книге М. Пришвина
„Лисичкин хлеб“

Рисунки к книге Г. Снегирева
„В разных краях“

Те, естественно, пугались, а этот медведь жил у людей и привык получать от них пищу; он не желал им зла, а просто побирался.

В поездках я видел лосей, джейранов, тюленей, трогал рукой на гнезде морскую утку — гагу, волков видел, лисиц, в капкан один раз попал, с пятнистыми оленями ходил в стаде. Видел степь, саванну с красной землей и фисташковыми деревьями, вулканы, тайгу, тундру. Подолгу живу в деревне, среди прекрасной нашей природы — всегда она новая, всегда в движении, всегда интересна — можно ее рисовать и описывать сколько хочешь, и она не скудеет.

Из альбома
художника

Совсем еще маленький мальчик с кружкой и бочонком в руках. У него смеющиеся глаза, ясная улыбка. Ему бы сидеть за школьной партой, учиться. А он продает на улицах воду... В некоторых арабских странах ребятам еще приходится рано начинать зарабатывать себе на жизнь.

В индийском порту Мормогао шестилетняя красавица Минна с удовольствием позировала фотографу и с таким же удовольствием поедала подаренные ей конфеты.

Говорят, японские дети — самые дисциплинированные в мире. На одной из центральных улиц Иокогамы, где бесконечным потоком движутся люди и автомобили, два малыша, держась друг за дружку, уверенно идут по шумной улице.

ДЕТИ МИРА

Как живут дети разных стран мира?

На этот вопрос отвечает собрание фотографий советского моряка Степана Алекая.

За время своих многолетних плаваний Алекай побывал в портах пятнадцати государств и везде — в Индии, в Демократической Республике Вьетнам и во Франции, в Кувейте, Ираке и Японии — фотографировал ребят.

Его снимки экспонируются на выставках, печатаются в газетах. Его фотография «Дети Индии» отмечена премией на международном конкурсе журнала «Новое время».

В городе Гдыня, у входа в парк, этот симпатичный мальчуган каждый день ожидает своего отца—портового докера.

Две полураздетые девочки просят милостыню, — такую грустную картину можно еще наблюдать в колоннальных странах.

В столице Грузии немало спортивных площадок, и все же тбилисские мальчишки охотно играют в футбол прямо на улицах. Не беда, что улицы старого города узкие и неровные.

Пионеры корейского города Чхончжин выдержанные и приветливые ребята.

Лихой велосипедист стремительно мчался по улице французского города Марселя. Лишь на секунду он притормозил и повернул к прохожим измазанное шоколадом лицо. В этот момент щелкнула фотокамера.

Н. Гусак
Фото С. Алекяна

Когда начиналась эта пятилетка, ленинградская ткачиха Екатерина Демидова предложила: давайте выполним пятилетнее задание за четыре года!

„Почин Демидовой!“ — о нем заговорила вся страна. Сама ткачиха показала всем прекрасный пример: 22 декабря прошлого года она уже закончила пятилетку.

НИТКА ЗА НИТКОЙ

Е. Я. Демидова (в центре) с молодыми ткачихами

— В семье нас было семеро — три брата и четыре сестры. Жили в Великих Луках. Отец умер после войны. В пятьдесят четвертом году погибла, спасая народное добро, мама. Было мне тогда четырнадцать лет...

Из рассказа Е. Я. Демидовой

Катя приехала в Ленинград после смерти мамы. Ее и братишку забрал к себе старший брат. Он был уже «при деле»: отслужил в армии, работал в типографии.

Ехала Катя однажды в трамвае. Ехала не просто так — искала работу. На проспекте Щорса увидела вывеску: «Ткацкая фабрика-школа». Дальше не поехала. Решила — это для нее. Почему так решила? Может, потому что дома у мамы был самодельный ткацкий станок, и дочка тоже кое-чему успела научиться. Может быть, так, а скорее, просто потому, что в эту школу принимали девчонок, давали общежитие и учиться нужно было не так долго — всего два года...

Через два года на фабрике «Рабочий» появилась новая ткачиха.

— Вышла в ночную смену. В школе научилась обслуживать восемь станков. А тут сразу двадцать восемь — и свои, и одной старой опытной ткачихи: то ли она заболела, то ли уволилась — не помню. Помню только, что очень боялась. Боялась станков, боялась себя. Казалось, все в цехе только и делают, что смотрят на меня: мол, прислали на нашу голову неумеху. А потом захотелось спать. Четыре часа утра — самый сон. Надвязываю нитку и чувствую: сплю. На минутку какую-то задремала. Еще больше испугалась, а спать расхотелось...

С тех пор пятнадцать лет каждый день приходит на фабрику «Рабочий» ткачиха Екатерина Демидова. Каждый день: неделю — к семи утра, неделю к трем часам дня, неделю к двенадцати ночи. На фабрике трехсменка.

Весь день ткачиха на ногах. Сколько километров отшагает за одну только смену, кто считал?! От станка к станку. Как

говорят ткачихи, по заднему плану станков, потом по переднему плану, потом — потом все сначала. Он так и называется, этот путь: маршрут ткачихи. А станков у Демидовой было четырнадцать. А ниток на одном только станке 1700. Каждую секунду на каком-либо из станков может оборваться нитка. Замирает лента полотна, станок останавливается. Ткачиха подходит к станку, связывает разорвавшиеся нити, запускает станок. На всю эту операцию жесткая норма — 21 секунда. Демидова вяжет узел за 14 секунд. Быстрее не может никто на фабрике, быстрее уже никак нельзя. И — увы — нет такого аппарата, да, вероятно, и не будет, который бы заменил проворные руки ткачихи.

Восемь часов — «вечное движение» — от станка к станку; нитка за ниткой...

— Но лучше работы не знаю. Мой муж Юра мне однажды сказал в шутку: переходи к нам на завод,

устрою в отдел, будешь в белом халатике сидеть. Спасибо, говорю, только я из ткачих — никуда. И лучше, чем моя фабрика, тоже не знаю.

В час с каждого станка должно сходиться два метра двенадцать сантиметров полотна. У Демидовой получается два метра двадцать сантиметров. Эти «лишние» сантиметры, помноженные на «лишние» станки, и дают десятки тысяч метров полотна сверх плана. Только в прошлом году Демидова соткала сверхплановых 40 000 метров полотна.

— Когда я только-только пришла на фабрику, Антонина Тимофеевна Красикова, Герой Социалистического Труда, знаменитость на весь Ленинград, сказала мне: «Хочешь стать

хорошим человеком — трудись». Многое в жизни забывается, а этот совет помню. И стараюсь его выполнять. Все сама: шью, вяжу, даже прическу любую могу сделать. Подружки из цеха, как к парикмахеру, ко мне домой бегают.

А еще стихи очень люблю. Сама пытаюсь писать. Так, для себя. Про наших девочек, про фабрику, Ленинград...

Когда она все успевает — это для всех секрет. Работа, дочка Маринка. Откуда берутся силы, скажем, после ночной смены бежать в техникум (заканчивает уже третий курс), а потом — на собрание Общества советско-кубинской дружбы, а потом — в школу новаторов...

— У нас на фабрике есть традиция: раз в год собираемся по оче-

реди у кого-нибудь все, кто работал в комитете комсомола. Последний раз у меня дома такая встреча была. Я ведь тоже в комитете работала. Соберемся, вроде отчета друг другу устраиваем: что сделал каждый за год. Шутливую газету выпускаем, дневник ведем...

Екатерина Яковлевна ведет и собственный дневник. В нем очень много стихов. Идеал ее — люди, отстоявшие от врага нашу страну, Ленинград.

*«Не выбирали легкого пути,
Вы до конца стояли по*

Уставу,

*Станки оберегая от огня,
За нашу, Невскую заставу...»*

Так записала в дневнике ткачиха Демидова.

Виталий Михайлов

* * *

Несколько лет подряд ткачиха Демидова дружит с пионерами города Кропоткина Краснодарского края. Ребята приезжали в Ленинград, жили в фабричном общежитии, вместе с Екатериной Яковлевной гуляли по Ленинграду, осматривали музеи, приносили цветы на могилы героев блокады.

Каждый месяц в квартиру Демидовой почтальон приносит письма с обратным адресом: Кропоткин, средняя школа № 4 имени Пушкина.

«Получили ваш подарок (это Екатерина Яковлевна отправляла ребятам книги о Ленинграде и вкусные ленинградские конфеты — «Костер»). Спасибо большое. Но слишком вы балуете нас!

Очень рады, что у вас так хорошо идут дела на работе.

Поздравляем вас с успехом и желаем еще большего!»

Из письма всего класса

«Ребята очень дорожат вашей дружбой. Когда вы выступали по телевизору, показывали

вашу фабрику, все они смотрели передачу. И потом всю неделю только и говорили: «Мы видели нашу Екатерину Яковлевну, показывали по телевизору нашу Екатерину Яковлевну». Учиться они стали лучше, да и дисциплина стала лучше».

*Из письма классного руководителя
Таисии Михайловны*

«Дорогая Екатерина Яковлевна!

Мы, наверное, этим летом приедем в Ленинград. И первое, что мы сделаем, — это пойдем на вашу фабрику и познакомимся с вашей бригадой».

Из письма всего класса

В канун 1974 года Указом Президиума Верховного Совета СССР ткачихе ленинградской прядильно-ткацкой фабрики „Рабочий“ Екатерине Яковлевне Демидовой присвоили звание Героя Социалистического Труда — за выдающиеся успехи в выполнении заданий пятилетки.

И ткачиха взяла на себя еще два станка. Теперь она работает на шестнадцати.

Рисунок А. Харшака

Саврасая, — сказал за ужином Нурак, — гордость нашего табуна. Лучшие скакуны и иноходцы — ее потомство. Немолодая кобылка, а все еще стройная, поджарая, быстрая.

— Что ты, дедушка, какая же она стройная? Бока широкие, живот чуть не до земли, — заметил Аманат.

— Глупенький! — рассмехался дед. — Она ведь жеребеночка ждет. Может, последнего красавца с огненным бегом подарит ферме!

Нурак не мог скрыть ни волнения своего, ни нетерпения, — очень уж хотелось ему вырастить еще одного скакуна от Саврасой. Каково же было табунщику узнать, что однажды ночью Саврасая исчезла из табуна. Бесследно исчезла...

Аманат тоже был встревожен этой вестью.

— А вдруг ее угнали волки и задрали где-нибудь в скалах? Или она сама сорвалась с крутого берега в реку и погибла? Что ж теперь делать?

Все животноводы на джайлоо переживали исчезновение жеребой кобылы, но, конечно, больше всех Нурак.

— Надо ее искать, — объявил он табунщикам. — Разъедемся во все стороны, может, где и обнаружим. В народе говорят, что хорошая собака не умирает у ног хозяина, уходит подальше от дома. Возможно, и Саврасая, почувяв гибель, куда-нибудь спряталась от людей. Была бы только жива, а найти ее мы должны!

И Нурак первым вскочил в седло.

Всю ночь он скакал по окрестностям, сам не зная, куда направить свой путь, целиком положившись на коня. Не осталась дома и бабушка Батма. Оседлав одну из дойных кобыл, она вместе с Аманатом двинулась на рассвете куда глаза глядят. Аил в тот день почти опустел.

— Аллах с ним, с жеребенком, — ворчала Батма. — Хоть бы уж Саврасую найти... А кто найдет — не останется без подарка. Ничего не пожалею и губы теплым маслом сама смажу...

Бабушка и внук прочесали все заросли, обыскали ущелья, скалы, склоны. Кобыла едва уж волочила ноги, да и сами они порядком устали от бесплодных поисков. Казалось, нет никакой надежды обнаружить Саврасую, пора возвращаться.

— Вот только то длинное ущелье осмотрим — и домой, — решила Батма. — Там такая густая зелень, что и табун может спрятаться.

Отрывок из повести «Аманат», подготовленной к печати в издательстве «Детская литература».

ЛЮБИМАЯ ЛОШАДЬ НУРАКА

Шукурбек Бейшеналиев
Рисунок С. Острова

Не успели они углубиться в узкую расщелину меж могучих скал, как тонкий слух Аманата уловил слабое, жалобное ржание. Мальчик боялся поверить своим ушам. Неужели нашли? Неужели это жеребеночек? Или, может, у Саврасой от страданий стал такой писклявый голос?

Опершись о бабушкины плечи, Аманат чуть поднялся над крупом лошади и стал озиаться по сторонам. Глаза его сверкали надеждой.

Ущелье поросло густой высокой травой, скрадывавшей острые очертания скал. Тут, пожалуй, кто хочешь спрячется так, что и не отыщешь.

Но вот опять донеслось слабое ржание. Звук шел откуда-то сверху и, казалось, с каждым шагом приближался. Теперь уж Аманат убежден — это голос жеребенка. Но бабушка ничего не слышала: голова ее была туго повязана плотной шалью, да слух, конечно уж, не такой, как у внука.

— С тебя сунчи!* — радостно воскликнул Аманат. — Слышишь, бабушка, где-то рядом плачет жеребеночек! Сними поскорей свою шаль!

Еще ничему не веря, Батма потянула кобылу за уздечку и стала суетливо озиаться по сторонам.

— Где? Где? — спрашивала она. — Откуда идет звук, который ты слышишь?

— Назад поворачивай! Скорее! — волновался Аманат. — Он ведь маленький, умереть может...

Они повернули обратно. Теплая шаль теперь лежала на плечах женщины, черно-седые волосы разметались. Встав в стремянах, она вытянула шею, напрягла слух и явственно услышала нежное ржание.

— Верблюжонок ты мой! — радостно воскликнула Батма. — Да благослови тебя судьба за доброе дело.

— Я же сказал! — с гордостью объявил Аманат. — Я бы не стал врать, если бы ничего не услышал. Ну, а теперь будем искать...

Но им так и не удалось обнаружить ни Саврасую, ни ее жеребеночка.

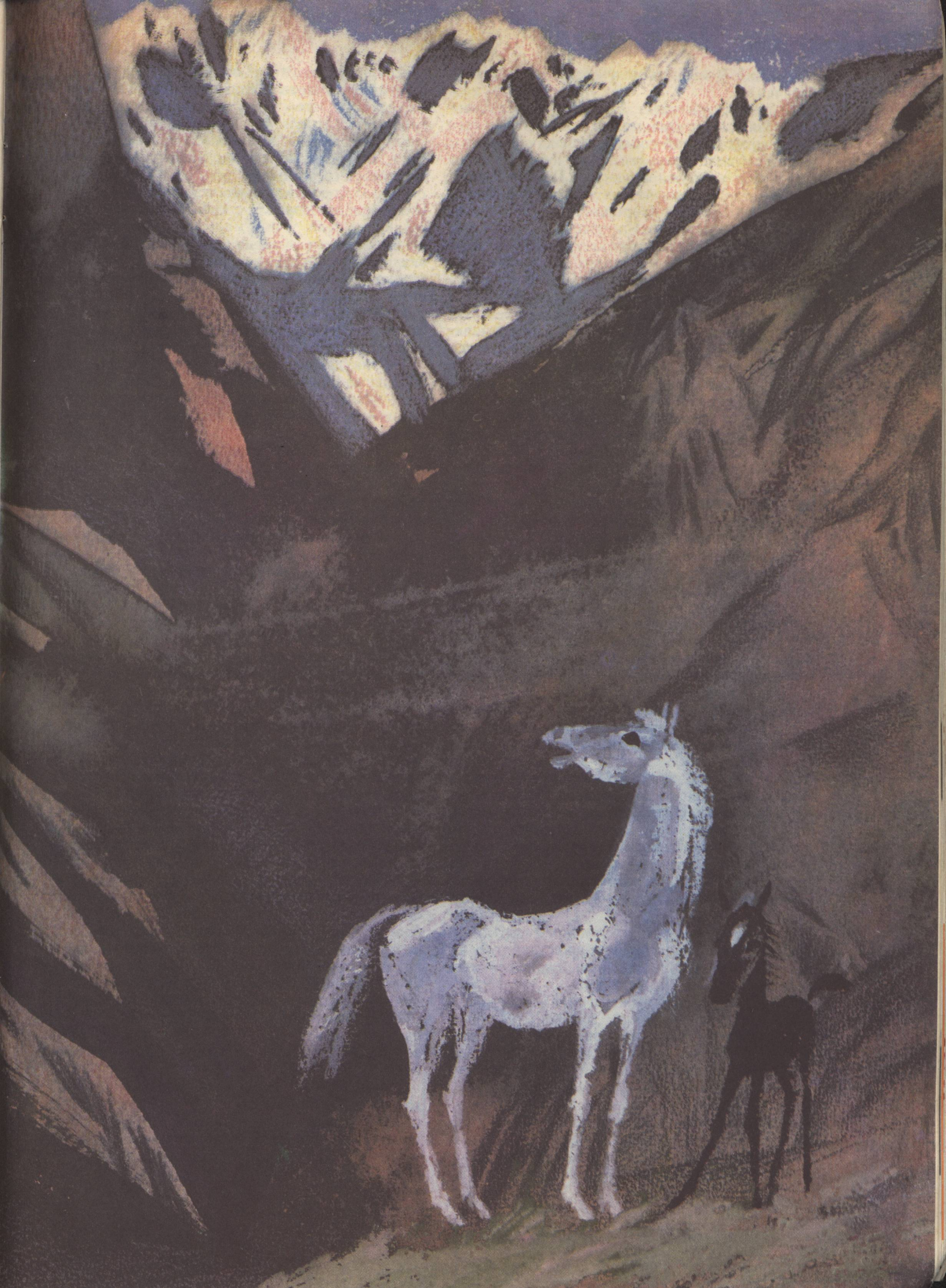
Батме стало жаль внука: бедный, так поверил, что поиски увенчались его победой!

— Посмотри, мой славный, туда... — Она указала рукой на холмик, где у едва заметной норки суетливо скакала, взмахивая белым хвостиком, небольшая птичка. — Видишь?

— Ну?.. — не понял Аманат.

— Вот кто сбил тебя с толку.

* Сунчи — подарок за радостную весть.

— Как? Разве птицы умеют ржать по-жеребьячи?

— Эта птичка умеет. Ее зовут — белохвостая дувальница. Она может повторить и посвист пастуха, и лай собаки, и щенячий визг, и ржание. Сколько людей было обмануто ею! Вот и тебя тоже она обманула. Поедем домой, пора. Я так думаю, что не только жеребенок, но и сама Саврасая пропала бесследно. Нечего нам здесь делать.

Понукая кобылу, бабушка взмахнула кнутом, птичка взвилась в воздух, но тут же вернулась к своей норке.

Сидя сзади бабушки, Аманат, обманутый в своих ожиданиях, думал о происшедшем. Он не раз ловил в западню только что оперившихся птенцов дувальницы. Птицы эти гнездятся в покинутых сусликами норках, в углублениях от разрушенных оград. Изловив птенца, Аманат приносил его в юрту, сажал в темном углу, кормил цикадами, дождевыми червями. Сначала птенец не ел, а привыкнув к мальчику, брал корм прямо с его ладони. Но мог ли он знать, что птенцы эти вырастут в таких коварных и хитрых птиц? Что они научатся обманывать, вводить в заблуждение пастуха и уводить его совсем в другую сторону от цели? А если верить бабушке, — все это так и есть. Значит, это не дувальница, а надувальница!..

Бабушка явно пала духом, ехала молча, даже не оборачиваясь к Аманату. И поводья выпустила из рук, — ступай, мол, кобыла, куда знаешь, мне не до тебя...

Да, тяжелый выдался день. Где они только не побывали, а все без толку. Оба устали, проголодались, замучили кобылу.

Смеркалось. От остроконечных вершин, от высоких елей и даже от травы потянулись длинные тени. Сырая прохлада ощущалась все сильнее и сильнее. Батма и Аманат дрожали. Сурово, мрачно стало в ущелье. Солнце скользнуло за далекие синие скалы, сюда доходил лишь его холодный розовый отсвет.

До сих пор кобыла, хоть и не без труда, шла спокойно, подчиняясь сильной руке женщины. Когда Батма опустила поводья, лошадь так же спокойно шла сама, правильно выбирая направление. Но вдруг она точно взбесилась — забила копытами, захрапела, стала мотать головой.

Аманату пришлось крепче уцепиться за бабушкины плечи, — того и гляди они оба полетят на землю. Батма вновь схватила поводья, но и это не помогло: кобыла так вертела головой, что густая рыжая грива ее металась, как пламя.

Бабушка быстро спешилась, помогла спрыгнуть и Аманату, но едва они освободили лошадь, как та дернулась, чуть не вырвав вместе с поводьями цепкие руки женщины.

— Бабушка! — в испуге закричал Аманат. — Она тебя свалит! Дай я попробую! — Он ухватился за узду у самой морды.

С невероятным трудом Аманат сдерживал кобылу. Обими ногами он уперся в скалу, на-

прягся, как струна. Кобыла зло косила на мальчишку лиловым глазом, на лицо и плечи Аманата падала густая бело-зеленая пена, а крупные желтые зубы, казалось, в любую секунду готовы были вонзиться в плечо мальчика. В такой момент от животного можно ожидать чего угодно.

Батма бросилась спасать внука. В одно мгновение она сорвала с кобылы уздечку, и та, звякнув, упала у ног мальчика. Высвободившаяся наконец лошадь бросилась по склону вниз так, точно ее преследовала волчья стая, только хвост мелькал в воздухе да рыжая грива полыхала огнем.

— Что с ней, бабушка? — тяжело дыша, спросил Аманат. — А вдруг теперь и она потеряется?

— Никуда не денется, — с неожиданным спокойствием сказала Батма. — Мы сами во всем виноваты: на целый день угнали от жеребеночка, а у нее от молока все вымя набухло, больно ей.

— Но она не заблудится?

— Кобылу, у которой где-то на привязи остался жеребеночек, хоть куда утони, — она вернется в свой табун. Запомни это, верблюжонок. Повадки лошадей киргиз должен знать.

— Бедная, — сказал Аманат. — И жеребеночка ее жалко. Может, думает, что никогда уже больше не увидит свою мать. А легко ли об этом думать?

Батма вздрогнула от этих слов. Возможно, мальчик ничего другого и не хотел сказать, только о жеребеночке думал, но после недавнего ночного разговора она особенно внимательно к нему приглядывалась, старалась не упустить ни одного его слова.

— Ты о жеребеночке сейчас думал? — напрямик спросила женщина. — Скажи правду, мой мальчик. Никто нас здесь не услышит.

Аманат часто размышлял все это время о себе, о своей судьбе, в которой и после рассказа дедушки и бабушки многое оставалось для него неясным. Но расспрашивать боялся, не хотел обидеть стариков. Если же бабушка сама спрашивает... что ж, он не упустит такого случая.

— Ты говоришь, бабушка, что вы с дедом сами видели во Фрунзе дом, где учился мой отец?

— Да, верблюжонок. Когда еще он был жив, мы ездили к нему не раз, гостинцы возили. Мы сидели на удобных стульях, откинувшись на мягкие спинки. Да, было такое...

— А теперь ты могла бы найти тот дом?

— Нет, не нашла бы, — призналась бабушка. — Но теперь это и не обязательно. Скажи шоферу адрес — он тебя куда хочешь свезет.

Трава, густая и высокая на склоне горы, хлестала по ичигам старой усталой женщины, и без того едва передвигавшей ноги. Опустившись на одно колено, Батма прилегла, тяжело вздохнула и сказала, не глядя на внука:

— Э-э-э, мой вороненок, к чему тебе этот

дом? Пока еще мы с дедом живы. Ты еще маленький. Вот станешь на ноги — ступай, куда сердце позовет, никто тебя не остановит.

Аманат почувствовал в голосе бабушки горечь. Он опустился рядом с нею на траву, обнял ее плечи.

— Ладно, бабушка, никуда я не поеду, никто мне не нужен, кроме тебя да деда. Только не говори ему про сегодняшнее, ладно? А то он обидится.

— Не скажу, не бойся. Он и тогда-то — помнишь? — чуть не с кулаками на меня налетел: зачем, мол, поешь ему песню про нашу смерть? А как не петь, когда у каждого человека есть свой конец. Дед Нурак совсем потерял себя с тех пор, как умер твой отец. Кто остался у нас? Один только ты, верблюжонок наш, тем и живем, что ты с нами.

Аманат ничего не успел ответить, как вдруг откуда-то издали донесся протяжный, мощный крик, и эхо волнами прокатило его по горам.

Батма и мальчик насторожились, стали оглядываться по сторонам. Крик повторился еще и еще раз, потом оборвался, потом вновь прокатился по ущелью.

Женщина сдвинула с ушей платок, приложила к глазам ладонь, чтобы яснее видеть все вокруг.

— Сдается мне, что это кричит твой дед, — заключила она. — Погляди на ту скалу, что похожа на клюв огромной птицы. Видишь? Там маячит чья-то тень.

— Где, где, бабушка? Я ничего не вижу!

Он проследил за вытянутой рукой Батмы, долго шарил взглядом по скалам, пока не отыскал ту, которая действительно походила на клюв.

— Вижу! Вижу, бабушка! — закричал он радостно. — Неужели нашли Саврасую?

Он схватил Батму за руку и нетерпеливо потащил по склону вниз, а она шла с трудом, падала, скользила, спотыкалась о камни, цеплялась пальцами за кусты.

— Э-э-э! Скорее сюда! — донесся до них голос Нурака, подхваченный и усиленный чистым степным воздухом. — Спуска-ай-тесь!..

Но Батма поняла, что не сделает больше ни шагу. Она и без того долго перемогалась, чтобы не обнаружить перед внуком своей слабости, но теперь уже совсем выдохлась. Крупные капли холодного пота текли по ее лицу, дыхание было хриплым, тяжелым.

— Ох, мой мальчик, пожалей меня, отпусти... Я полежу немного и сама приду, не заблужусь. — Расстегнув ворот платья, чтобы

легче было дышать, она махнула рукой. — Не жди меня, иди...

Аманат посмотрел на бабушку и, подпрыгивая, как молодой козлик, пустился вниз.

Когда он добежал до места, дед как раз подтаскивал к Саврасой мокрого, беспомощного жеребенка, забавно переставлявшего свои тоненькие ножки.

— Ну, что ж, Аманат, — сказал дед. — Выходит дело, я нашел кобылу, а вы с бабушкой свою кобылу потеряли? Верно? — И он рассмеялся.

Мальчик был явно смущен.

— Да нет, мы ее просто отпустили, — тихо сказал он. — Ей пора было кормить жеребенка...

— Ладно, ладно, — согласился дед. — Ваша правда. Но ты взгляни, какого славного сынка принесла нам Саврасая! Красавец! Я назвал его Тельтор...

Жеребенок уверенно нашел материнские соски и жадно, со всхлипами, пил первое в своей жизни сладкое и теплое молоко.

Аманату очень хотелось погладить влажного, глянцевого жеребенка, потрогать его курьей хвостик, посмотреть в удивленно раскрытые, большие, с младенческой голубизной глаза, но дедушка, вероятно, не позволил бы, да и Саврасая может рассердиться.

— Что-то долго твоей бабки нет, — заметил Нурак. — Где ты ее потерял?

— Да она устала очень и прилегла на траве, — ответил Аманат и вдруг спохватился: как же это он любит здесь жеребенком, позабыв, что где-то там, на траве, лежит бабушка и, может быть, ей плохо? Уж она-то его никогда бы не оставила!

В один миг Аманат вскочил на дедушкиного коня и помчался в сторону ущелья.

Батма медленно шла ему навстречу. Ветер развевал концы ее шали, волосы упали на лоб влажными прядками, платье было в репьях и сухих былинках. Такой жалкой Аманат никогда еще не видел бабушку, и от раскаяния ему хотелось плакать.

— Прискакал за мной, мой верблюжонок? — ласково, без тени упрека, проговорила Батма и через силу улыбнулась внуку.

— Садись в седло, бабушка, я мигом домчу тебя до юрты.

— Это мне сейчас не так-то просто, — пожаловалась она, но с помощью Аманата все-таки взобралась в седло, и они двинулись в путь.

Перевели с киргизского
Е. Босняцкий и В. Острогорская

КЛЮЧ

ДЛЯ

РАСШИФРОВКИ

См. стр. 50

а	д	з	м	р	ф	ш	ъ
б	е	и	н	с	х	щ	э
в	ё	к	о	т	ц	ь	ю
г	ж	л	п	у	ч	ы	я

НА БЕРЕГУ МАКЛАЯ

Б. Путилов

Фото автора

ПРИВЕТСТВИЕ ПО-БОНГУАНСКИ

Девятого июля 1971 года научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев» вошло в бухту залива Астролябия у восточных берегов Новой Гвинеи. Сто лет назад в этих водах бросил якорь русский корвет «Витязь», и это стало началом легендарной экспедиции Николая Николаевича Миклухо-Маклая.

...Мы не отрываясь смотрим на берег, и я испытываю странное ощущение, будто вернулся в места, где уже был когда-то. Что-то я узнаю совершенно отчетливо, а что-то непередаваемо изменилось. Но ведь оно так и есть: мы смотрим на берег, который с мельчайшими подробностями

описан Миклухо-Маклаем.

Все так же синют в глубине острова высокие цепи гор, прошитые клочками недвижных облаков, и густой тропический лес черно-зеленой массой подступает к самому берегу. Но лес во многих местах поредел, отчетливо выделяются расчищенные и обработанные руками человека пространства.

Мы идем и тотчас находим слева мыс Гарагасси: здесь стояла хижина Миклухо-Маклая; маленький ручей, как и прежде, впадает в море, но нет уже громадных деревьев, под которыми укрывалась хижина, — их заменили кокосовые пальмы. Широкая тропа между кокосовыми пальмами ведет к мысу. Когда-то вблизи хижины располага-

лись три деревни. С их жителями дружил Николай Николаевич. Теперь осталась только одна — Бонгу. Мы хотим пожить в этой деревне несколько дней, пройти по следам нашего великого путешественника, изучить образ жизни современных папуасов.

...Струйки дыма поднимаются над деревьями справа на высоком берегу. Там — Бонгу. На берегу появляются люди. В бинокль можно рассмотреть толпу, возбужденно обсуждающую неожиданный для них приход корабля. Несколько лодок отделяется от берега, и вот уже папуасы делают круги около судна, спокойно, дружелюбно, с достоинством глядя на нас. Одеты они, как и большинство современных жителей Океании, в

шорты и цветные рубахи. Зато лодки! Выдолбленные из цельных стволов деревьев, узкие, длинные, они мало чем отличаются от тех, какие видел Миклухо-Маклай.

Покружив возле корабля, молодые люди уплывают к берегу, а вслед за ними отправляется на шлюпках и наш отряд.

Вблизи берега шлюпки врезаются в песок, и молодые папуасы бросаются в воду, помогают нам разгрузиться. Мы идем туда, где стоит группа стариков, видимо, самых уважаемых людей деревни, почтительно здороваемся с ними. У окружающих нас людей кожа темно-шоколадного цвета, курчавые волосы, энергичные, выразительные лица; большинство одето только в шорты, у мужчин и парней великолепная мускулатура, стройные, крепкие фигуры.

Белые люди для бонгуанцев теперь не в диковинку, но откуда мы и зачем высаживаемся с большого белого корабля, — этого они, разумеется, знать не

могут. И здесь происходит событие, которое, я думаю, во многом предопределило наши дальнейшие отношения с папуасами. Дело в том, что единого папуасского языка не существует. Даже жители разных деревень часто не понимают друг друга. И вдруг бонгуанцы услышали от одного из белых приветствие на языке их родной деревни! Николай Александрович Бутинов, известный исследователь Новой Гвинеи, произнес небольшую речь, из которой папуасы могли понять самое для них главное: мы — люди из страны Маклая; мы приехали посмотреть, как живут люди Бонгу; мы рады видеть их. «Габатра симум!» — «Мы с вами братья». Надо было видеть восторг папуасов. Они хлопали себя по телу от удовольствия, повторяли и поправляли сказанное Н. А. Бутиновым. Чаще всего слышалось одно слово — «Маклай».

Толпа подхватила наши вещи, и мы вышли по тропинке к боль-

шой хижине, одиноко стоявшей на обширной поляне, обсаженной кокосовыми пальмами. Ни дверей, ни окон — одни проемы в стенах, сплетенных из легкой драйки. Здесь нам предстояло провести несколько дней...

Поздно ночью я вышел на поляну. Огромная, неправдоподобных размеров луна стояла над высокими пальмами. Небо с чужими звездами казалось совсем низким. Искры светляков прочерчивали темноту. С берега слышался мерный гул прибоя. Из деревни доносились редкий лай собак, крики петухов и еще какие-то неясные звуки. Все то, что видел и, главное, слышал я в эту ночь, должен был слышать долгими ночами и Миклухо-Маклай. Я вынес магнитофон и сделал первую звукозапись.

ДЕРЕВНЯ БОНГУ СЕГОДНЯ

Перебравшись по скользкому бревну через ручей и поднявшись в гору по крутой тропинке, мы оказываемся в деревне. Деревенские дома уже не похожи на те, которые описывал и много раз зарисовывал Миклухо-Маклай. Те стояли прямо на земле, крутые крыши опускались почти до самого пола. Теперь мы видим легкие хижины, высоко поставленные на сваи. У каждой хижины — открытая веранда.

Миклухо-Маклай застал папуасов в каменном веке. Он первым познакомил их с металлическими орудиями. В современном бонгуанском языке мы услышали русские слова «топор», «нож», «бык» и «арбуз».

В каком веке теперь живут папуасы?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно увидеть и понять многое. Оказывается, бонгуанцы живут, главным образом, за счет огородов, где разводят те же самые культуры, что и при Маклае. И огороды они обрабатывают по-старому: расчищают и выжигают участки леса, потом с помощью мотыг, копалок, а то и руками тщательно разрыхляют почву. Мы узнали то, чего не отметил Маклай: в то время как мужчины очищают

лесную площадь, женщины здесь же поют специальные песни, которые должны облегчить тяжелую работу. И потом, когда наступает время первой посадки овощей, папуасы опять начинают с песен: они должны помочь обеспечить хороший урожай. Все эти и многие другие песни, в особую силу которых папуасы верят до сих пор, я записал на магнитофон. Когда я их слушаю теперь, то вспоминаю мужчин и женщин Бонгу: они пели мне эти песни с серьезными, сосредоточенными лицами, и горькая грусть стояла в их глазах.

На каждом шагу в деревне мы встречаемся со следами далекого прошлого, которое продолжает жить: вот на веранде одной хижины — раскрашенная деревянная фигура, изображающая предка семьи или рода. Люди надеются, что изображение это охраняет их от бед.

Много раз мы заходили в хижины и могли убедиться, что в их убранстве изменений больших не произошло. Исчезли черепа предков — умерших теперь хоронят на кладбище; не в каждом доме можно увидеть старое оружие. Но в хижинах по-прежнему нет мебели, вообще почти нет вещей, а те, что есть, лежат где-нибудь в углу или висят прямо на стене. Едят папуасы на веранде или на земле у очага возле хижины. Кроме традиционных вещей, которыми пользовались еще далекие предки бонгуанцев: большой посуды, выдолбленной из дерева, половинок кокосовых орехов, используемых в качестве мелкой посуды, в хижине можно встретить и новые вещи. О них не имели понятия папуасы прежних поколений: керосиновые лампы, металлические кастрюли, даже велосипеды. У двух-трех бонгуанцев есть даже транзисторы.

И все-таки ни до, ни после посещения Бонгу нам не приходилось видеть такой беспросветной бедности.

Восточная часть Новой Гвинеи поделена на северную и южную половины. Обе они управляются австралийской администрацией. Передовые люди Новой Гвинеи давно и упорно борются за независимость своей страны. Сейчас, когда я пишу

эти строки, сделан важный шаг: Новая Гвинея добилась самоуправления, и скоро в мире появится новое независимое государство.

ПАМЯТЬ О МАКЛАЕ

Когда мы говорим о папуасах Новой Гвинеи, то обязательно вспоминаем Миклухо-Маклая: он был первым подлинным их исследователем, их другом, их защитником от колониализма. Конечно, сами папуасы берега Маклая еще не могут прочитать ни дневников, ни научных работ русского ученого; они не могут знать обстоятельств его поистине героической борьбы за их свободу. Но помнят ли они вообще о человеке, который однажды высадился на их берегу и прожил здесь многие месяцы? Не стерлись ли в памяти папуасов события столетней давности? Не превратились ли они — как это нередко бывает — в сказку, в миф?

В первый же вечер мы были прямо-таки ошеломлены сообщением Каму, вождя деревни, о готовящемся здесь грандиозном празднике в честь 125-летия со дня рождения Миклухо-Маклая. Жители десятков деревень придут на берег Маклая, здесь будут устроены представления, пляски, пиршество. Каму был очень разочарован, узнав, что нас к этому времени уже не будет. Мы тоже не скрывали огорчения. И тогда деревня Бонгу решила показать экспедиции свою часть программы — пантомиму «Первая встреча с Маклаем» и церемониальные танцы.

Слегка смущаясь, Каму спросил, не согласится ли русский капитан исполнить роль Маклая? Разумеется, согласие было получено.

И вот представление началось. Задолго до него мы услышали звуки барума — сигнального барабана. Такие барумы — громадные долбленные колоды — много раз описывал Миклухо-Маклай. И теперь, когда надо позвать соседей на празднество, сообщить о чьей-то смерти, попросить принять участие в постройке дома, предупредить об опасности, наконец — поторо-

пить домой женщин, задержавшихся на огороде, бьют в барабаны.

Сегодня барум звучит торжественно и призывно. Вскоре на берегу собирается много зрителей. С моря приближается бот, капитан Михаил Васильевич Соболевский — теперь уже Маклай — прыгивает на берег. Медленно и спокойно, с любопытством оглядываясь по сторонам, он идет по тропинке вверх к деревне: может быть, этой самой тропинкой шел сто лет назад первый раз в Бонгу Маклай! Вдруг на тропинке показываются три папуаса, на них набедренные повязки-мали, украшения из листьев, раковин, кабаньих клыков и птичьих перьев, тела их раскрашены, в руках копья и луки со стрелами. При виде белого человека они цепенеют от удивления, но сразу же принимают настороженные позы. Пружинистыми прыжками, держа наизготовку оружие, они приближаются к пришельцу, знаками требуют, чтобы он повернул назад. «Маклай» между тем продолжает идти, тогда папуасы скрываются в кустах, снова появляются на тропе; на лицах их — выражение гнева, страха, угрозы. Один из них до предела натягивает лук, кажется, с него вот-вот сорвется стрела. Однако ничего подобного не происходит, и вся группа продолжает движение. В деревне «Маклая» встречает толпа жителей, которые при приближении белого человека бросаются с криками врассыпную. Мы все выходим на высокий мыс, с которого открывается вид на океан, на далекие горы, на заросшие густым лесом островки: это мыс Бугарлом, где стояла хижина Миклухо-Маклая во второй его приезд. Каму, вождь деревни, заканчивает представление рассказом о том, как Маклай стал другом папуасов. Мы благодарим бонгуанцев за прекрасный спектакль. Но ведь у пьесы должен быть автор, точнее — сценарист, а у постановки — режиссер. Вот он перед нами — один из трех участников спектакля, тот самый, что натягивал лук. Его зовут Макинг, он соединяет в одном лице драматурга, режиссера и

актера. Потом он же собрал несколько певцов, которые исполнили немало песен. Макинг не только сам пел, но и аккомпанировал ударами бембу — полый бамбуковой трубки. Он же искал по деревне для меня старые папуасские музыкальные инструменты и сам демонстрировал, как они звучат. Во многом благодаря Макингу мне посчастливилось увидеть теперь уже редкие в деревенском быту духовые и ударные инструменты, большинство которых описал Миклухо-Маклай: ай-дамангу и ай-кабрай, — длинную и короткую бамбуковые трубы, из которых извлекаются густые, ревущие звуки; илоль-ай, выдолбленную тыкву — своеобразный рупор, усиливающий и деформирующий человеческий голос.

Макинг — настоящий мастер народного искусства, одаренный, веселый, живой...

Последний день пребывания в Бонгу. Н. А. Бутинов стал показывать бонгуанцам фотокопии портретов их предков, которых когда-то рисовал Маклай. Сосредоточенно и спокойно смотрели папуасы на изображения своих прадедов и дедов. И вдруг молчание было прервано: «Это — Асол!» Слова эти произнес Таног — самый старый житель деревни. Таног не ошибся — имя молодого красивого папуаса, задумчиво глядевшего с портрета, было написано рукою Маклая, так же как и дата — 4 ноября 1871 года. Перед нами было чудо. Какая у Танога цепкая память на лица, если он помнил Асола, которого видел, должно быть, лет 60 назад! И еще мы убедились, что Миклухо-Маклай был отличным рисовальщиком и что сделанные им портреты папуасов — столь же надежны, что и самые точные фотографии.

Мы остаемся около Танога: Н. А. Бутинов, я и папуас, знающий английский. Таног сидит на циновке, жует бетель. У него тонкие черты лица, большая, обрамленная густой сединой голова, глубоко сидящие, живые и острые глаза. Мы спрашиваем, что он может рассказать о Маклае. Таног отвечает, что здесь, на площади, в

шуме и суете, он не станет рассказывать.

...И вот мы на веранде мужского дома. В деревне несколько таких домов, здесь хранятся музыкальные инструменты, маски и скульптуры, употребляемые во время обрядовых праздников; мужчины собираются здесь, чтобы обсудить свои дела или просто для дружеских встреч; старики обучают здесь молодых законам племени...

Мерно звучит глуховатый старческий голос. В рассказе Танога нет никаких фантастических эпизодов, никакого вымысла, все — правда, все — просто, как оно и было. Маклай высаживается на берег, Маклай приглашает папуасов в гости, одаривает их, уезжает, вновь возвращается, привозит папуасам быка. Уезжая, он назначает день встречи, и папуасы терпеливо ждут его.

Сто лет назад Маклай выглядел в глазах папуасов человеком, наделенным сверхъестественными способностями: думали, что он не может умереть; просили его прекратить дождь; подозревали даже, что он — человек с Луны.

Бывает, что время лишь усиливает фантастические представления о прошлом. Но в памяти и сознании папуасов Маклай — простой обаятельный человек, их верный друг, который жил на этом берегу их жизнью, который старался облегчить их судьбу, белый человек, для которого не существовало разделения людей по цвету кожи.

Когда «Дмитрий Менделеев» был уже в Австралии, мы узнали, что праздник в честь Маклая состоялся. Он продолжался несколько дней, ночами горели костры, которые можно было видеть далеко в море, и папуасы в танцах, песнях, представлениях и речах славили таморуса Маклая, который сто лет назад приплыл к ним из далекой страны, чтобы стать им добрым другом.

Рисунки
А. Аземши

Столярная мастерская

Кабинет рисунка

РАССКАЖУ Я ВАМ О ДЕРЕВЕ...

Говорит старший мастер Петр Степанович Иванов.

Дерево приносит в дом теплоту. Не тепло дров, а теплоту. Старые русские избы: мягко светится скобленая столешница, матово желтеют лавки, таинственно чернеет мореный дуб ушата...

Есть в Эрмитаже комната — английская библиотека. Здесь дуб «поет» главную, сольную партию. И точеные балясины баллюстрад из загорелого тела дуба, и шкафы, и скамьи, и панели обшивки стен. Упадет на них отблеск каминного пламени, и дерево задумается, начнет рассказывать спокойную, уютную сказку...

Любимое мое дерево — орех. Рисунок его на срезе всегда неожидан, мелодичен, мягко переходит из одной композиции в другую. Орех благороден. Его место в кабинете, в гостиной... А клен «птичий глаз» я бы оставил только для детской мебели — текстура его нежная и веселая, а плоть древесины дает легкий розовый отсвет.

Красное дерево так и просится в спальню или в зал для торжественных приемов. Оно все переливается. Красное дерево среди древесины как шелк меж тканей — строгое и радостное. У каждого дерева — свой характер. И две разные породы иногда дружат, даже зовут друг друга, а порой не выносят совместного проживания.

Заставить дерево заиграть, показать свой «талант» — главное в работе столяра-краснодеревца.

Сначала подбирают дерево — ищут среди

десятков кусков — два, где рисунок бы плавно переходил, повторялся.

А потом начинается «воспитание» дерева. Его скоблят, шлифуют, поднимают «ворс» разорванных волокон. И только потом полируют или покрывают лаком. Лак для дерева, что увеличительное стекло: он усиливает свечение, гармонию рисунка.

Раньше столяр работал политурой. До пяти-шести слоев покрытия наносил он. Полмесяца политурил доску. А полиэфирный лак сделает ту же работу за сутки. И покрытий нужно не полтысячи, а только два. И вот уже кидает солнечные зайчики отделанный вашими руками красавец — шкаф.

А инструментарий столяра! Он, пожалуй, побольше и посложней, чем у хирурга или зубного врача. Только у тех инструменты холодные и сразу напоминают о боли и страданиях, а наши сохранили теплоту стружки, тихий шелест опилок...

Очень важно и семейство пил. Тут и продольные, и поперечные, и лучковые, и ножовки. У ножовок своя компания. Есть ножовки фанеровочные, есть обушковые. Они трудятся на раскросе дерева, на зашивке деталей. Если требуется бережно перерезать волокна, берут бархатную пилу с мелким и частым зубом.

Строгальные инструменты — важные, полные собственного достоинства. И роли у них различные: шерхебель дерет стружку толстую, рваную, а двойной рубанок или фуганок снимает стружку невесомую, почти прозрачную...

Во время войны меня, мальчишку из псковской деревни, отправили в ремесленное училище в Ленинград. Наши мастерские были тогда — одно название. Разваленный сарай. Вместо верстаков — «стелюга» — грубо сколоченный дощатый настил. Скупой карточный раци-

он. Но учились мы с охотой. Огромной охотой. И спасибо за это нужно сказать нашему чудесному мастеру — Льву Яковлевичу Кауфману. Выучился я. Стал столяром-белодеревцем. Но квалификация белодеревца не высока. Мебель он делает под окраску дерева. Переучился на краснодеревца. Оставили в училище мастером. И снова учился. Вечерами. Кончил техникум. Вот, пожалуй, и все о себе. Вся жизнь связана с этим училищем. Почему? Ответить и просто, и сложно... Люблю ребят. Люблю дерево...

РАССКАЖУ Я ВАМ О ЧЕЛОВЕКЕ

Говорит директор Анатолий Федорович Баранов.

От Жени Покуева рыдали учителя. От Жени Покуева шарахались соседи. Женя Покуев был завсегдаем детской комнаты милиции.

...Вот Женя отправляется с приятелями в парк города Пушкина. Выкопали ямы. Час, другой — и в шапке у Женьки поблескивает груда позеленевших патронов. А через короткое время во дворе дома — костер, патроны высыпаны в пламя. И изо всех подъездов бегут разъяренные соседи! ..

...Вот Женя небрежно прогуливается по улицам. У овощного магазина — запряженная в телегу лошадь. Женька незамедлительно распрягает ее и вскакивает на лошадиный круп. Лихой галоп по парку...

Таким Женька и прибыл в наше училище.

Учиться Женька не особенно стремился. И семи классов не окончил. А тут еще вставать ежедневно в раннюю рань и ездить из Пушкина в Новую Деревню на электричке, на метро, на автобусе. Короче, и месяца не прошло, входит Покуев в мой кабинет насупленный:

— Отдайте мне, Анатолий Федорович, документы. Ухожу.

Поговорил я с ним по-мужски. Договорились, что подождет немного.

И свели мы его с Толей Цыпиным. А Толя, нужно сказать, человек просто необыкновенный. Он уже в армии отслужил, женат был, детей имел, а пришел к нам учиться. Пришел от великой любви к дереву. Ласкал он каждый брусочек, чуть ли не целовал его и вещи мастерил на заглядение. Но, главное, дар был у него особый — всегда вокруг него народ толпился, льнули к нему ребята. Работает Толя какую-нибудь хитрую инкрустацию, а возле кучка болельщиков — один инструмент держит, второй советы дает, а третий просто рядом стоит — переживает.

Толиной группе дали самый сложный заказ — сделать тридцать верстаков для нашей ма-

стерской. А верстак — это вам не стол, а настоящее сооружение. И делать его ой как не просто!

Ну, Толя Женьку сразу же взял в свою бригаду. Женька, честно говоря, вначале трюки откалывал. Дают ему черновую работу. Он попытается, поломается. И вдруг бросает пилу.

— А ну вас!

Толя ему спокойненько:

— Иди остынь...

Тот походит, погуляет. И вновь берет пилу. Молча.

Ну, а дальше ничего особенного. Просто мы о фортелях Покуева больше ничего не слышали. Об уходе он уже не вспоминал. Поступил в вечернюю школу. Да, вот еще вспомнилось...

Дипломная работа Евгению досталась — прикроватная тумбочка.

Получил за нее он четверку.

Сейчас работает на пятом мебельном комбинате. Столяром.

Есть в Новой Деревне старый дом, где с утра до вечера звенят ребячьи голоса. Здесь любят дерево. Любят людей. Растят мастеров.

У входа небольшая табличка: «Профессионально-техническое училище № 4».

Л. Эфрос

Фото Ю. Колтуна

Дима Кривоногих, ученик 1 столярной группы

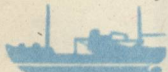
СООБЩЕНИЯ С КОРАБЛЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

1. Осмотрели о-ва Крозье (к с.-з. от Кергелена). Обнаружили пингвинов и морских слонов.

*Экипаж фрегата «Амазонка»
Ленинград*

СРЕДНИЙ
РЫБОЛОВНЫЙ
ТРАУЛЕР

СРЕДНИЙ
РЫБОЛОВНЫЙ
ТРАУЛЕР
(рефрижератор)

РЫБОЛОВНЫЙ
ТРАУЛЕР

БОЛЬШОЙ
МОРОЗИЛЬНЫЙ
РЫБОЛОВНЫЙ
ТРАУЛЕР

БОЛЬШОЙ
РЫБОЛОВНЫЙ
ТРАУЛЕР

ПРОМЫСЛОВАЯ БАЗА

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ЭКСПЕДИЦИИ

Нелегко пришлось шхуне «Морская газета» во время урагана... Сорвало грот-парус. Волнами разбило руль. На помощь подоспели советские рыбаки. Взяли на буксир, отвели к острову Кергелен — ремонтировать. В кают-компании траулера, спасшего шхуну, боцман Румпель начал рассказывать: «Идем мы к острову Питкерн... Разыскиваем затонувший корабль... Точной карты, где было бы отмечено место, у нас нет...» Только это Румпель сказал, как вдруг...

... КАК ВДРУГ

Один из рыбаков, который стоял в сторонке и прислушивался к рассказу Румпеля, говорит: «Знаю... у Питкерна мы ловили глубоководную рыбу. Вдруг трал пошел с трудом. Однако выжили. Видим: в кутке — дыра, а в ячейках сети куски дерева, обломки старинного корабля...»

— «Баунти!» — воскликнул незнакомец с томом энциклопедии на букву «П»...

— Не знаю... — сказал рыбак, — но место покажу. Давайте карту.

Рыбак показал место на карте, Румпель отметил. «Слышал я, — добавил рыбак, — будто бы это обломки старинного русского корабля, совершавшего кругосветное плавание. И что было это в XIX веке... Но утверждать не могу...»

— Странно, — пробормотал незнакомец с томом энциклопедии на букву «П».

— Заканчиваем ремонт шхуны, — приказал капитан Быстроходов, — и в путь. А вы, Румпель, готовьте акваланг. Чувствую, что нам придется поработать под водой.

ВСЕМ ШИФРОВАЛЬЩИКАМ ЭКСПЕДИЦИИ

- 33, 11, 33, 32, 22, 52, 44, 43, 52, 43, 12, 74, 34, 43, 13, 11, 51, 74, 12, 74, 33, 51, 43, 41, 22, 53, 51, 11, 34, 43, 13, 43, 14, 43, 13, 74, 31, 42, 11, 22, 53, 22?
- 33, 11, 33, 32, 22, 33, 51, 54, 14, 43, 52, 13, 22, 53, 42, 74, 22, 44, 34, 11, 13, 11, 42, 32, 84, 52, 43, 13, 22, 51, 71, 22, 42, 74, 51, 54, 52, 52, 33, 32, 41, 32, 41, 43, 51, 84, 33, 11, 41, 32, 13, 19, 13, 22, 33, 22?

Ключ для расшифровки см. на стр. 43.

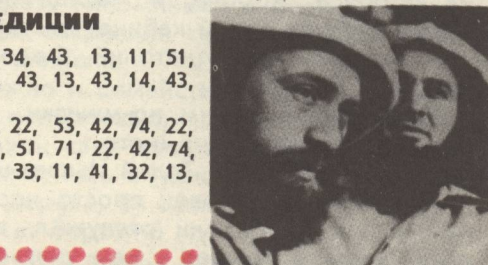

Мы дружим с экипажем китобойца «Вольный-15». Недавно побывали в гостях у китобоев во Владивостоке. Моряки провели нас по всему судну. Поднимались мы и на гарпунерскую площадку. Мы узнали много интересного об уникальной профессии гарпунера. Капитан Дмитрий Александрович Волинец рассказал нам о трудной морской жизни. Мы пожелали китобоям счастливого рейса в Антарктиду. Посылаем фотографии, которые нам подарили моряки.

Экипаж «Варяга», пос. Мамакан Иркутской области

Рисунок
А. Курушина

Китобоец во время шторма

Китобой А. П. Андреев и Д. А. Барков

ЭКЗАМЕНЫ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

ТАЙНА ПЕЩЕРЫ БАЗУА

Эта пещера находится в северной Италии. Долго ее считали небольшой и ничем не знаменитой. Но однажды в мае 1950 года местные крестьяне с удивлением заметили, что в ее глубине, в пятидесяти метрах от входа, откуда-то дует. Отклоняющееся пламя свечи показывало, что поток воздуха идет изнутри, как бы из самой скалы. Загадка решилась просто — ударили по стене, и стена обвалилась, образовав дыру. Оказалось, что здесь была перегородившая пещеру сплошная завеса из известняковых «сосулек» (сталагмитов) толщиной в три метра.

Эта «ширма» еще в ледниковую эпоху замуровала главную часть пещеры с многими проходами, «залами» и даже подземными озерами. Тысячелетиями она была отрезанной от всего внешнего мира и благодаря этому хорошо сохранила следы седой древности.

Прежде всего следы говорили о том, что недра Базуа долго служили логовищем для пещерных медведей — громадных хищников, которые были раза в полтора крупнее большого современного медведя. Отпечатки их массивных лап на глиняном полу, борозды от страшных когтей на стенах да и немало медвежьих костей встречалось во многих местах.

Другие приметы свидетельствовали о посещении пещеры первобытным человеком. Главными среди них были следы ног, следы, небольшие по размерам, принадлежавшие детям. Именно подростки совершали это опасное путешествие, освещая себе путь ненадежным светом факела из смолистой сосновой ветки. Целью их был самый последний «зал» пещеры.

Сегодня мой племянник сдает экзамен. Он считает, что июнь — самый неподходящий для экзаменов месяц.

«Хорошо жилось в древности — тогда и учебы никакой не было, и экзаменов», — говорит мой племянник.

Может быть, он прав!

Люди первобытных эпох не знали письменности и арифметики. Получается, что дети, которые жили, например, в древнекаменном веке (палеолите), ничему не учились и никаких экзаменов не сдавали!

Что же делали дети, прошедшие всю пещеру, в ее тупиковом закоулке? Для ответа на этот вопрос нам надо стать внимательными следопытами.

...На стенах пещеры видны какие-то глиняные «кляксы». Они получаются, если кусок сырой глины с силой ударится о скалу. В этом же «зале» были найдены глиняные комки, приготовленные для такого метания.

Особенно много «клякс» сохранилось на стене пещеры там, где перед ней находится большой, высотой в рост взрослого человека, фигурный камень, созданный природой. Своими очертаниями он напоминает безголового зверя. А

в палеолите на его верхний выступ, похожий на шею, надевали голову убитого на охоте медведя. В таком виде камень служил мишенью, изображавшей страшного хозяина подземной берлоги. В нее бросались глиняные «шары». Шары заменяли метательные камни, применявшиеся при настоящей охоте. Те из них, которые пролетели мимо цели, оставили «кляксы».

К медвежьей мишени были направлены и отпечатки детских ног на глиняном полу «зала». Они оказались особенно интересными, потому что позволили ученым сказать, когда же все это происходило. Дело в том, что эти следы заметно отличались от современных. Они принадлежали ноге нашего ископаемого предка — неандертальского человека, который жил примерно от 200 000 до 35 000 лет тому назад.

Таким образом, очень давно молодые неандертальцы проникали в самый потаенный уголок пещеры и здесь с силой бросали в мишень, изображавшую медведя, свое «ору-

жие». Для такой «игры» нужно было сначала пройти и проползти сотни метров под землей и добраться до древней берлоги страшного зверя. Пещера всегда пугала человека своим мраком и необычностью. Каждый шаг в ней и сейчас связан с опасностью, внезапно погасший факел означал чаще всего безнадежный каменный плен.

Следы в пещере Базау рассказывают нам не о беззаботной детской игре, а о тех суровых экзаменах, которые сдавали мальчики палеолита при посвящении в охотники. Они должны были победить чувство страха, доказать свою силу, ловкость и самоотверженность, с тем чтобы вскоре отправиться на настоящую охоту на грозного зверя.

Получающим «аттестат зрелости» в ту пору было около десяти лет. Совсем еще дети, вооруженные самыми простыми орудиями (каменными, рогатиной, пикой и дубинкой), вступали в рукопашный кровавый поединок с сильными и большими животными — не только с медведем, но и с мамонтом, шерстистым носорогом, зубром, дикой лошастью. Для нас это удивительно, а тогда было обычным, так как весь век неандертальца был коротким. Половина из них едва доживала до двадцати лет. Причин их недолгой жизни было много: суровый ледниковый климат, губительные болезни при отсутствии всяких медицинских знаний, хорошей одежды и теплых жилищ; голодовки, тяжелые ранения и гибель во время охоты.

МОНТЕСПАНСКИЙ МЕДВЕДЬ

Через «охотничью школу» в палеолите прошли сотни поколений. Она продолжала дей-

ствовать и тогда, когда (около 30 000—35 000 лет назад) на смену неандертальцу на Земле появился человек современного вида — такой же, как мы. Можно восстановить картину экзаменов и у этих людей, если предпринять второе, еще более трудное путешествие.

В Южной Франции издавна известна пещера Монтеспан, которая считалась совершенно недоступной. Щель у подножия горы, из которой вытекала речка, указывала вход в пещеру. Дальше же путь был закрыт. Но известный исследователь пещер Н. Кастере покорил Монтеспан, совершив подлинный подвиг. С величайшим трудом и риском, встречая, казалось бы, непреодолимые преграды и побеждая в себе мучительные чувства подавленности, страха и ужасающего одиночества, он прошел всю громадную пещеру из конца в конец. Это мужество было вознаграждено не только большой золотой медалью французской Академии спорта. Более важно то, что оно привело к замечательному научному открытию.

В дальнем конце пещеры, более чем в километре от входа, Н. Кастере нашел изображения зверей, сделанные человеком палеолита. Кроме рисунков на скальных стенах, тут было много остатков вылепленных из глины крупных фигур. Самой любопытной оказался «медведь».

Это была большая глиняная болванка — очень грубая и к тому же не имеющая головы. Трудно было бы сказать, какого зверя она должна была изображать, если бы перед ее шеей на полу не лежал бы целый череп медвежонка. Тщательное исследование позволило установить, что в прошлом все глиняное тело «одевалось» в медвежью шкуру и заверша-

ЭКЗАМЕНЫ
в КАМЕННОМ ВЕКЕ

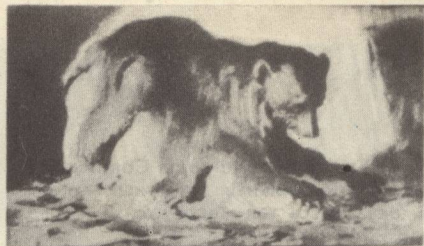
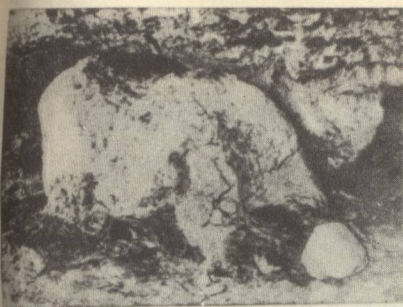

— Хорошо жилось в древности: у обезьян никаких экзаменов не было...

— Знал бы, что так трудно будет делать шпаргалку — лучше учил бы уроки!..

В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ХУДОЖНИКА
ЛЕОНИДА КАМИНСКОГО

лось натуральной головой медведя. Значит, в своем первоначальном виде этот «медведь» был чем-то вроде очень простого звериного чучела.

Монтеспанское чучело, как и фигурный камень с головой зверя в Базуа, служило охотничьей мишенью. В пещере Н. Кастере также были открыты следы малых ног — следы древние, но уже не отличающиеся от тех, которые оставляет босая ступня современного мальчика. Рядом с «медведем» находились лепные шары из глины. Но основным оружием, поражающим чучело, были копья. Их сильные удары оставили на глиняном теле десятки глубоких ямок — «ран».

Люди палеолита были умелыми и ловкими охотниками, но научных сведений о мире у них было меньше, чем у нашего первоклассника. Поэтому точные знания у них неизбежно заменялись разными фантазиями. Например, они были наивно уверены, что достаточно «убить» изображение зверя, для того чтобы охота стала удачной.

На стене в пещере Монтеспан нарисована картина. Ей не меньше 20 000 лет. Здесь охотники отмечены простыми черточками. Целый часток из них находится перед рисунком лошади, сплошь продырявленной ямками. Это — «раны» от копий. Они как бы говорят о том, что юноши, убившие воображаемого зверя, уже стали настоящими охотниками.

ДЕТСКИЕ „РУКИ“ В ПЕЩЕРАХ

До сих пор мы шли по следам, оставленным на земле. Теперь «рассказ ног» можно допол-

нить отпечатками детских рук в тех же пещерах.

В древнекаменном веке их делали с помощью природных красок (красной или черной), и поэтому отпечатки оказались удивительно долговечными. В мертвой неподвижности пещерных глубин они дожили до наших дней.

О чем же говорят отпечатки рук историку? Да о тех же первобытных экзаменах воли, силы и мужества, что и малые следы ног. Группа подростков, вероятно, вооруженных копьями, под руководством опытного охотника отправлялась в потаенные недра пещеры. Там каждый из них отпечатывал навечно свою руку — своеобразное удостоверение того, что этот урок им выполнен.

За всем этим видятся совсем не забавы, а тяжелые, порой кровавые испытания. Встречаются отпечатки рук, на которых нет отдельных пальцев. Они указывают на то, что иногда у экзаменуемого отрезали палец или его часть. Этот дикий обычай в ту пору также выполнял роль охотничьей проверки. Будущий добытчик должен был доказать, что он не боится боли и крови, что ему не страшны раны, ожидающие его при борьбе со зверем.

Оказывается, экзамены имеют поразительно древнюю историю! Уже 40 000—50 000 лет тому назад, в эпоху ледников и мамонтов, их сдавали. Учились самому важному в то время — охоте. Эта первобытная школа была очень суровой.

В школе теперь не учат охоте, учат наукам. Сегодня школа дает нам точные знания о мире, которых так не хватало нашим далеким предкам.

Мой племянник сдает экзамены. Они проходят в светлом, залитом солнцем классе...

— Ну и тяжелый билет мне достался!

— Очень плохо, Гоша Неандертальцев! Ты что, живого мамонта не видел?

— ...И последний вопрос: как разделить шкуру убитого медведя?

Раздел ведет
писатель Н. Сладков

ЕСЛИ ВСТРЕТИШЬ ЛОСЯ...

Когда-то, в первые годы Советской власти, удивительных животных — лосей оставалось так мало, что им грозило исчезновение.

И тогда, по инициативе В. И. Ленина, на лосей запретили охоту.

Теперь лосей снова много, и нередко в газетах появляются заметки о том, как эти доверчивые животные гуляли по парку или прямо по городским улицам.

Многие ребята спрашивают редакцию «Костра», что делать, как себя вести, когда встречаешь лоса.

Разумеется, не надо кричать на животных, гонять их с места на место, бросать в них палки.

Это не только недостойно, но и опасно: рассерженный, особенно старый лось, может напасть на обидчика.

Наблюдайте за лосями спокойно, но особенно близко не подходите.

Хорошо принести кусок каменной соли и положить в укромном уголке. Лоси чувствуют соль и охотно лижут ее. Если станете постоянно класть соль, лось привыкнет приходить на одно и то же место.

Н. Рыков,
член Комиссии по охране природы
Министерства высшего образования СССР

из „КРАСНОЙ КНИГИ“

СНЕЖНЫЙ БАРС

Мало найдется на земном шаре людей, которые видели снежного барса на воле. Он обитает в высокогорьях Средней и Центральной Азии и выходит на прогулки почти всегда в сумерках и ночью. Барс (его называют еще ирбис) держится обычно у самых ледников и заснеженных вершин, среди нагромождения скал. Здесь он охотится на горных баранов, реже на сурков, пищух и зайцев. В Гималаях, например, барс поднимается летом на высоту до пяти с половиной тысяч метров над уровнем моря.

Очень густой, легкий и пушистый мех спасает снежного барса от холода. Его красивый мех — лакомая добыча для охотника, и теперь на земле осталось совсем мало снежных барсов. Поэтому животное внесено в «Красную книгу» и охраняется законом.

Зоопарки всего мира охотно покупают детенышей, найденных в логове, или взрослых зверей, пойманных в капканы. Снежный барс очень дорогое животное. Взрослый стоит 10 000 рублей.

...Пятнистый красавец, которого вы видите, живет в Каунасском зоопарке. Интервал между снимками составил не более 15 секунд. За это время спокойно сидящий ирбис, лениво взглянув на фотографа, встал, с безразличным видом прошелся по клетке и, без разбега преодолев двухметровую высоту, устроился на полке.

В. Левин, Е. Лысов

ОПЕРАЦИЯ „ПИТОН“

Директору зоопарка позвонили из цирка от дрессировщика Валентина Филатова: заболел удав, помогите! Неудачно схватил кролика и покалечил себе пасть.

— Вывих?

— Нет, страшнее. Кажется, сломана нижняя челюсть.

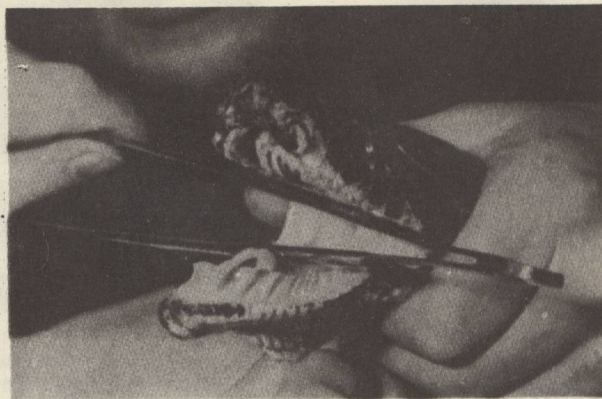
В цирке нам указали на большого ящик, в котором находился виновник суматохи — трехметровый красавец, молодой иероглифовый питон. Неестественно вывернув голову, он неподвижно лежал на красном стеганом одеяле. Развороченная пасть выглядела жутко: одна половина нижней челюсти с обрывком связки загнута далеко в глотку, а вторая — зияет обнаженной костью. Все вокруг охали и дружно ругали питона за то, что ест «как дурак».

Наш ветеринар Андриухин засунул пальцы в пасть змеи, осторожно отделил застрявшие в глотке зубы, пинцетом вытащил и расправил половинку челюсти, забравшуюся столь глубоко. Наконец, обе половинки выправлены, но каждая существует сама по себе. Следует их сшить, но не зацепишь же нитку за обнаженную кость!

С лечением питона в походных условиях цирка не справятся. Позвонили директору зоопарка и попросили разрешения поместить «смертника», как теперь его называли, в наш террариум.

Возвращаемся с укутанным в два одеяла питоном.

Пообещавшись подольше с этим

представителем семейства ложноногих, мы единодушно пришли к выводу, что артисты цирка великие люди, если рискуют выступать на арене с таким агрессором. У нашего постоянного неслыханный характер. Он так бурно отстаивал свою независимость, так отважно кидался на стекло при появлении человека, презирая возможность получить сотрясение мозга (о своей многострадальной челюсти он и вовсе не заботился), что мы удостоили его чести, до сих пор выпадавшей лишь на долю впечатлительных кобр: мы занавесили стекло террариума от нескромных взглядов.

Наши ветеринары, несмотря на все питоньи хвори, добились блестящих результатов. Кость, угрожающе торчавшая вначале, обросла тканью, ветеринары наложили швы, и пасть зажила.

К сожалению, занятые лечением пасти, мы не обратили внимание на то, что змея толком не перелиняла. А линька очень важный момент в жизни змей. Если старая шкура вовремя не сойдет, то может нарушиться кровообращение и новая начнет отмирать.

Действительно, из-под щитков на брюхе нашего питона при легком надавливании извергались фонтанчики зловонной жижи. Оставалось одно: срочно удалить щиток за щитком с поверхности длиной в три с половиной метра!

Работа оказалась адской. Питон сопротивлялся отчаянно.

Обнажившиеся участки мышц я дезинфицировала и смазывала эмульсией, создавая новые осложнения «змеедержателям», а питону облегчая скольжение. Наконец, питон распоясался настолько, что дважды пытался схватить ветеринара за ухо. Тогда мы смазали змею эмульсией, которой она тут же поделилась с нами, и, завернув в простыню, осторожно опустили в полиэтиленовый бак. Напоследок питон лягнул зубами в сантиметре от чьей-то щеки.

На следующий день обработка прошла сравнительно спокойно, возможно, питон устал больше нас. Три с по-

ловиной часа прошли почти незаметно. Беднягу поместили на одеяльце в клетку и беспокоили лишь сменой воды в поилке да ежедневными сеансами кварцевого облучения.

Почти неподвижно пролежал питон около двух недель. На нас только шипел. Сработал инстинкт самосохранения, да и кто бы на его месте рискнул передвигаться на брюхе, лишенном кожи?

Потом у питона затуманился взор, и мы с трепетом стали ждать критического момента линьки, от которого зависело, останутся ли у нашего пациента силы бороться. Питон очень ослаб, он почти три месяца ничего не ел. Правда, для здорового удава по-

поститься пять-шесть месяцев не проблема, но это для здорового!

Через три недели мы осмотрели нашего пациента и не поверили собственным глазам: брюхо ослепительно сияло новыми щитками и только по бокам оставались редкие темные корочки.

Наконец, наши друзья из цирка решили взять многострадального артиста на гастроли в Киев. Мы же надеялись задержать его хотя бы до следующей линьки. И не только потому, что хотели бы завершить курс лечения, но и потому, что за пять месяцев общения с этим своенравным красавцем каждый из нас к нему очень привязался.

В. Иголкина,

Ленинградский зоопарк

Мне очень хочется поблагодарить тебя, «Костер», за то, что ты помог мне вырастить хорошую собаку. Сейчас у меня много литературы по воспитанию собак, много опыта. А ведь начиналось все с того памятного «Костра» № 12 за 1970 год, в котором рассказывалось о собаке Пират.

Бим (так зовут мою собаку) вырос добрым и умным. Часто мне приходилось трудно, хотелось все бросить, но потом понимала, что не смогу и дня прожить без моего Бимки, и снова мы вместе с ним брались за работу.

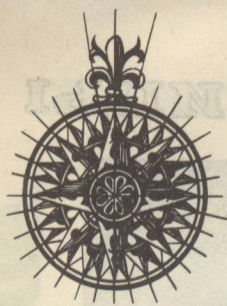
И сейчас, спустя полтора года, я знаю, что труды мои не пропали даром. Часто старшие мне говорили: «Зачем тебе, девчонке, собака? Да и какой толк из дворняги выйдет?» Сейчас все они очень любят Бимку, и он

стал всем им дорог. Но я не хочу на этом все кончить. Мне хочется вырастить хорошую овчарку и подарить ее моему старшему брату, когда он пойдет в армию.

Посылаю вам фотографию, где мы с Бимом. Ему тогда было шесть месяцев.

Мокрушина Н.,
пос. Вишур Увинского района

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосырева

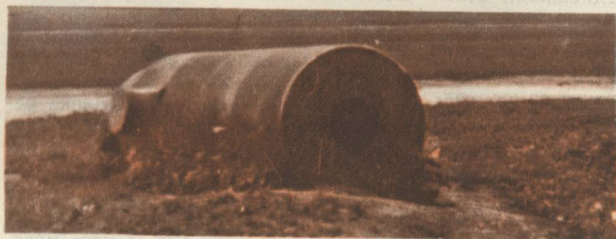
Оформление
Р. Попова

Год издания 18-й

Не 600, а 1000!

От редакции. О ребятах из Клуба юных моряков Комсомольска-на-Амуре «Морская газета» писала в 1973 году (№№ 6, 7). Тогда юные моряки проделали шлюпочный поход в 600 километров. А год спустя их шлюпки снова ушли в дальнее плавание, в тысячекилометровый поход!

Штормовые ветры, дожди, сильное течение, волны на стремнинах Амура — ничто не испугало ребят. Руководил походом начальник КЮМа, бывший офицер-подводник Геннадий Георгиевич Путятин.

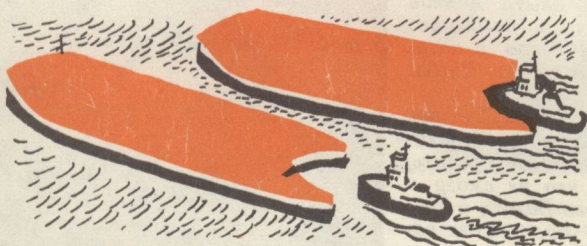
Нашли старинную пушку

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

БАРЖА ИЛИ БУКСИР?

Эти необычные суда начали строить в Англии. Огромная баржа строится с вырезом в корме, в котором как раз умещается небольшой, но мощный буксир. Гидравлические захваты намертво скрепляют его с баржей. И у баржи появляется двигатель. Со стороны и не заметишь, что это не одно судно, а два... В порту расцепляются, и баржа снова становится баржей, а буксир — буксиром. Прочно ли такое судно? На испытаниях оно выдержало два сильнейших урагана — и хоть бы что...

НАША ПОЧТА

«У нас случилось такое: мальчик случайно упал на Оке с моста в воду. На помощь ему пришел пионер Валерий Коваленко. Он в одежде бросился в реку и спас мальчика.

Саша Козаков, морской клуб
«Дельфин», г. Дзержинск
Горьковской обл.»

МАЯК

От шумных городов вдали
Лежит мой островок.
Проходят мимо корабли
На запад и восток...

Но я об этом не тужу
И не кляню судьбу.
Я пользу людям приношу
И этим дорожу...

Туман пусть будет или ночь,
Но в самый трудный час
Готов я кораблям помочь,
Открыв свой желтый глаз...

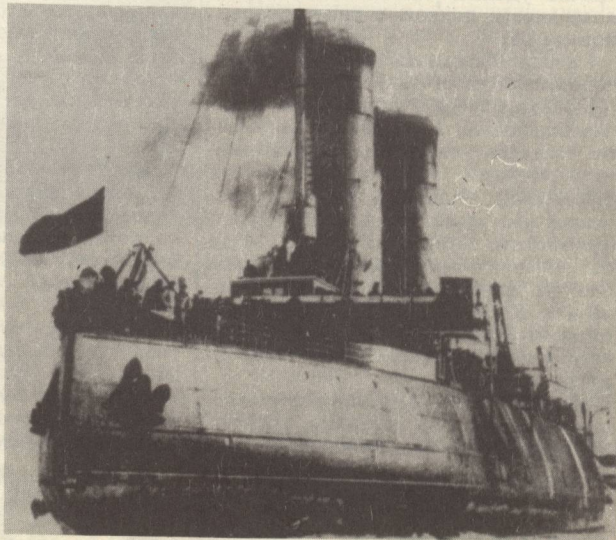
Юнкор Сергей Герасимов,
14 лет, Ленинград

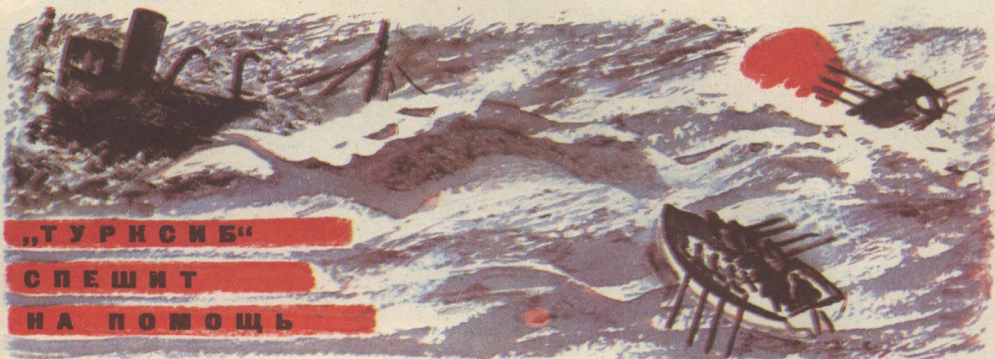
САМЫЙ ПЕРВЫЙ СНИМОК

Зимой 1899 года ледокол «Ермак», построенный в Англии, пришел в Кронштадт. Узнал о событии офицер русского флота Николай Николаевич Апостоли — замечательный фотограф-любитель. Он сфотографировал все корабли русского флота и, услышав о «Ермаке», поспешил в Кронштадт.

Ледокол как раз вышел на рейд и пробовал машины. Лед крошился под его мощным корпусом. Апостоли старался догнать ледокол, таща тяжеленную фотокамеру, и никак это не удавалось. Вдруг «Ермак» повернул и пошел на Апостоли. Моряк не медля установил камеру на лед. Ледокол надвигался на смельчака. И все-таки Апостоли успел сфотографировать «Ермак».

С. Евгеньев

В 1938 году я командовал парохом «Турксиб». Мы вышли из Нью-Йорка в Ленинград. Рейс был трудный.

Атлантический океан осенью не приветлив. Тяжелые волны обрушились на пароход, вышибли двери рубки, снесли поручни и сорвали палубную лебедку. Но «Турксиб» шел на встречу шторму вперед и вперед.

Шторм не утихал и в Северном море. Еще сильнее засвистел ветер, закрутился колючий снег, злее ударили волны...

Вдруг вахтенные заметили слева слабый огонь. Огонь был неподвижен, и это насторожило меня. «Сигнал бедствия!» Я приказал изменить курс и идти на огонь. Сквозь пургу стал смутно виден пароход, попавший в беду. Мы осветили его прожектором и увидели: пароход погрузился в воду по самую палубу. Это был норвежский грузовой пароход «Бимс». Шлюпки его снесло штормом, спасательные плоты разбило. Пароход тонул...

К «Бимсу» подходили иностранные

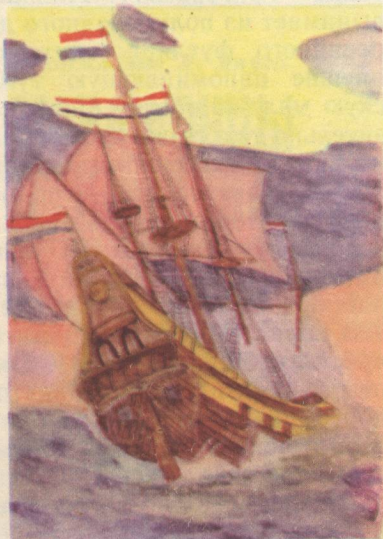
суда, но помочь ему не смогли, боялись спустить шлюпки. Волны, однако, надвигались, как горы, и «Бимс» вот-вот мог пойти ко дну. А на судне оставались люди... Я решил рискнуть и вызвал добровольцев к спасательной шлюпке.

Через час все спасенные с «Бимса» грелись в кубрике «Турксиба».

Правительство Норвегии наградило моряков «Турксиба» серебряной медалью «За благородный подвиг».

Капитан дальнего плавания
П. Стоферт

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

БУРИЯ

Валерий Коробейников,
с. Пасегово Кировской области

«МОРСКАЯ ГАЗЕТА» БЛАГОДАРИТ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА И СООБЩАЕТ, ЧТО ИНТЕРЕСНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ БУДУТ ПЕРЕДАНЫ КОНСТРУКТОРАМ, ПРОЕКТИРУЮЩИМ КОРАБЛИ БУДУЩЕГО, 2000 ГОДА.

„БЮРО ПАТЕНТОВ“

С такой пометкой на конвертах в редакцию пришло много писем. Какими же будут суда 2000 года? (см. в № 11 журнала за 1973 год). Проектов — десятки! Научно-исследовательские и пассажирские суда. Прогулочные катера. Плавающие заводы и лаборатории. И даже... вездеход для работы в Антарктиде.

Суда с атомными и реактивными двигателями, на подводных крыльях и воздушной подушке, оснащенные лазерными установками и разной научной аппаратурой.

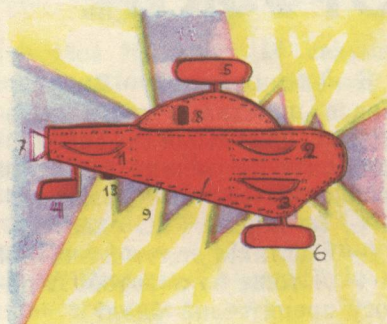
Ребята считают: в 2000 году военные корабли будут не нужны. Будет во всем мире — мир!

ПРОЕКТ ГЛУБОКОВОДНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬНОГО СУДА С АТОМНЫМ ДВИГАТЕЛЕМ

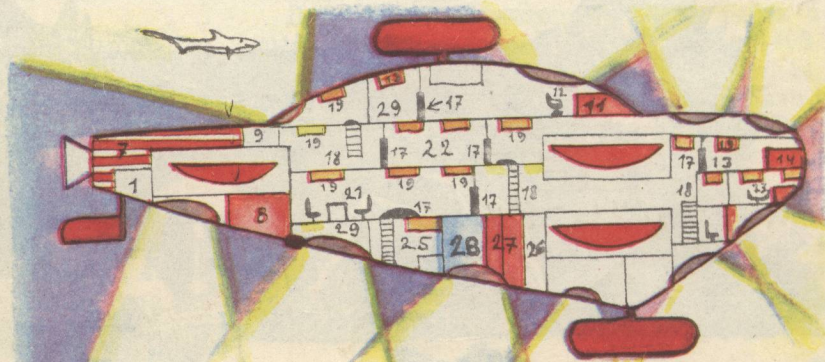
Предложил ОЛЕГ КОБЕЦ,
шестиклассник из г. Артемовска
Чертежи автора проекта

1, 2, 3. Рули глубины. 4, 5, 6. Рули поворота. 7. Сопло реактивного атомного двигателя. 8. Входной люк. 9. Фары. 13. Подводный выход.

1. Рулевая рубка. 7. Атомный двигатель. 8, 9. Фотокиноустановка. 13. Капитанская рубка. 14. Рубка приборов. 17. Непроницаемые двери. 18. Трапы. 19. Люстры внутреннего освещения. 21. Столовая. 22. Спальни команды. 23. Каюта капитана. 25. Камбуз. 26. Реактор для выработки из морской воды кислорода и во-

дорода. 27. Реактор для выработки из морской воды ценных элементов. 28. Опреснитель. 29. Скафандровый отсек.

ТАЙНОЕ ЛАЗЕРНОЕ ОРУЖИЕ

К пятикласснику Вите во Львов приехал в гости двоюродный брат Коля из Таганрога. Сразу же между ребятами возник оживленный разговор:

- Ты нормы ГТО сдал?
- Сдал. На золотой значок!
- Я тоже на золотой! А полосу препятствий сдал?

- Конечно.
- И многоборье?
- Разумеется.
- И коньки?
- И коньки.
- И стрельбу?
- И стрельбу.
- А из какой винтовки стрелял?
- Как из какой? Из малокалиберной.
- Вот то-то. А я из лазерной.
- Из какой?!

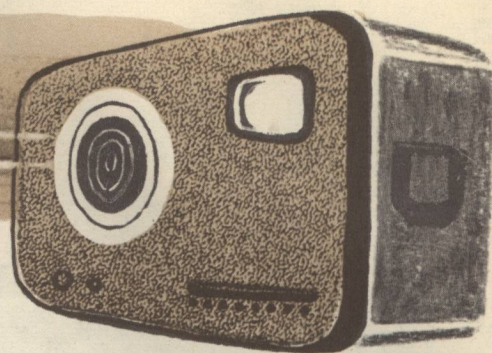
...Удивление Коли понятно. О применении лазерного оружия в школе мало кто слышал. Оно действительно есть, как пелось в некогда популярной песенке, «только во Львове». Затем его изготавливал бывший чемпион мира по стрельбе из пистолета, а ныне доцент Львовского института физкультуры Николай Александрович Калинин. Промышленность Львова наладила производство нового вида спортивного оружия, и в марте 1972 года, вскоре после введения нового комплекса ГТО были устроены первые в Союзе соревнования по стрельбе из электронно-ла-

зерной винтовки на первенство школ города. Победу одержала школа № 52, которая и была награждена комплектом для установки ЭЛТ (электронно-лазерного тира). Затем ЭЛТ появился и в других школах города. В настоящее время его можно приобрести во львовском магазине «Приборы».

Что же из себя представляет ЭЛТ? Военрук 52-й школы, полковник в отставке Александр Григорьевич Глинкин, вынимает из полированного деревянного футляра винтовку, внешне напоминающую тульскую малокалиберку и приблизительно такого же веса. Однако внутри она снабжена квантовым генератором — прибором, в котором рождается лазерный луч. Также в ЭЛТ входят переносный блок питания, рассчитанный на напряжение в 220 вольт, и электронно-светочувствительная мишень. Сбоку от нее помещается «индикатор попадания» — то есть световое табло, показывающее выбитые стрелком очки. Весь тир устанавливается за две-три минуты.

Особенно удобно лазерное

оружие для начинающих стрелков — таких, как наши пятиклассники. Оно безопасно и исключает несчастные случаи, которые бывают с неопытными стрелками. Другие достоинства лазерного оружия — бесшумность и то, что оно не требует боеприпасов. Приемы же стрельбы из него ничем не отличаются от приемов стрельбы из той же малокалиберки.

Дальность стрельбы — 25 метров. Как раз для первого норматива 3-й ступени нового комплекса ГТО. Однако за пределами Львовской области о новом виде спортивного оружия еще мало знают. Хотя оно доступно многим школам и явится, как написал Н. А. Калининко, «хорошим подспорьем в подготовке к сдаче норм ГТО».

— Так что же такое лазер? — спросил Коля.

— А ты «Гиперболоид инженера Гарина» уже видел?

— Нет еще.

— Ну вот, как раз сегодня он будет по телевизору.

...Вечером Коля ходил по комнате, смотрел себе под ноги и все бормотал:

— Лазер-резал — резал-лазер.

Л. Чертков

Оформление А. Януса

МАРАФОНЦЫ С КОСИЧКАМИ

Лет пятьдесят тому назад голландский ученый Херт Ван Эйскен исследовал выносливость марафонцев — бегунов на сверхдлинные дистанции. Наблюдения велись над атлетами, готовившимися к очередной олимпиаде. Тренировались они, по тем временам, «не жалея себя», — через день пробегали по 15—20 километров.

Как-то в день, когда марафонцы отдыхали, Ван Эйскен пригляделся к ребятам, что от зари до зари играли на пустыре возле его клиники. По привычке ученый стал хронометрировать их пробежки. Результат был ошеломляющим: многие дети пробегали за день по 20—25 километров. При этом девочки оказались и подвижнее, и выносливее.

На время это стало сенсацией. В юмористических журналах даже появились предложения выставить на марафонской дистанции команду девочек. Но шумиха утихла, ребята продолжали играть на пустыре, а атлеты — готовиться к олимпийским играм.

И вот то, над чем посмеивались полвека назад, осуществилось. В США был проведен женский чемпионат по марафону — бегу на 42 км 192 м. Третье место в состязаниях заняла десятилетняя Элиз Соммерс. Она пробежала эту

дистанцию за 3 часа 10 минут 14 секунд — время, которое сделало бы честь любому бегуну-мужчине.

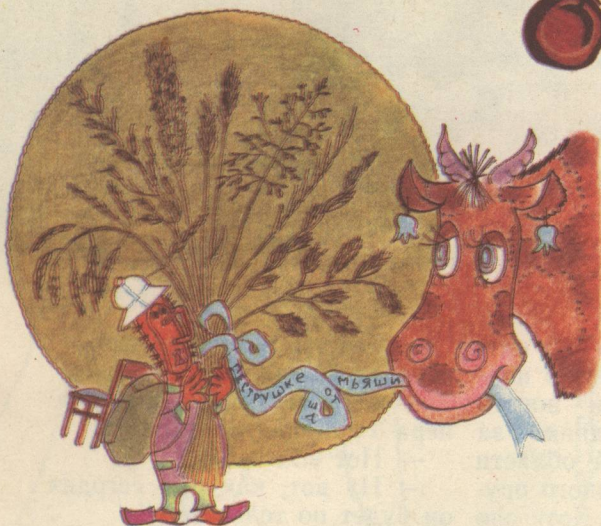
А совсем недавно в крупнейших международных соревнованиях — «Марафоне Западного полушария» в Калверт-Сити вместе с 750-ю другими участниками на старт вышла Сьюзан Бутлик. Ее достижение — 4 часа 12 минут — уступает детскому рекорду Соммерс. Но ведь Сьюзан всего-навсего восемь лет!

Прежде чем выйти на старт марафона, и Элиз, и Сьюзан много тренировались под наблюдением врачей. А начинали они с самого малого: с игр во дворе и на лужайке, с коротких пробежек.

Дистанция, на которую может выйти каждый, кому исполнилось десять лет, в 1400 раз короче марафонской. Это бег на 30 метров. Такое расстояние надо преодолевать, сдавая норму первой ступени комплекса ГТО — «Смелые и ловкие». Мальчики, чтобы получить серебряный значок, должны пробежать 30 метров за 5,8 секунды, девочки — за 6 секунд. Тем ребятам, кто решил бороться за золотой значок, надо прибавить скорости. У мальчиков норматив — 5,2 секунды, у девочек — 5,4 секунды.

Ю. Ковров

Составил
и оформил
В. Уфлянд

РАЗБОРЧИВАЯ КОРОВА

Звездочет Хуссейн, домовый Демьяша, лесовик Сиволапыч и Гном-Гастроном отправились в пеший туристский поход. Проходя лугом, они повстречали корову Пеструшку. Большой любитель животных Демьяша попросил у коровы разрешения угостить ее букетиком травы. Пеструшка была польщена, но предупредила, что ест далеко не всякие виды злаковых травянистых растений, а только ежу, лисохвост, мятлик, пахучий колосок и райграсс. Разборчивость коровы поставила Демьяшу перед трудной задачей. До этого момента он был уверен, что вся растущая на лугах зелень носит только одно название: «трава обыкновенная».

Помогите, ребята, Демьяше найти среди других видов злаков те, которые охотнее всего кушает Пеструшка.

ГОРОД В ДОЛИНЕ

С высокой горы нашим туристам открылся вид на город Эн. Четыре друга остановились, обдумывая план знакомства с городом. Поглядите и вы, ребята, на эту картинку в течение двух минут, потом закройте ее листом бумаги и, не торопясь, подумайте, вспомните и ответьте:

1. Сколько, по-вашему, в городе домов?
 2. Сколько людей, по-вашему, можно насчитать на картинке?
 3. Какие культурные учреждения есть в городе?
 4. Сколько различных транспортных средств используется в городе?
 5. Какие достопримечательности и памятники есть в городе?
- Откройте картинку и проверьте свою наблюдательность, внимание и память.

КРОССВОРД. Составил и нарисовал
Александр Шмелев из г. Лихославль
Калининской обл.

По вертикали: 1. Вид связи. 2. Принадлежность школьника. 3. Струнный инструмент. 4. Персонаж комедии масок. 5. Участник соревнования, идущий впереди. 6. Знак препинания. 11. Специалист по подводным работам. 12. Руководство факультета в ВУЗе. 15. Тип тропической растительности. 16. Грузоподъемный механизм. 18. Искусственный драгоценный камень. 19. Небольшой гор-

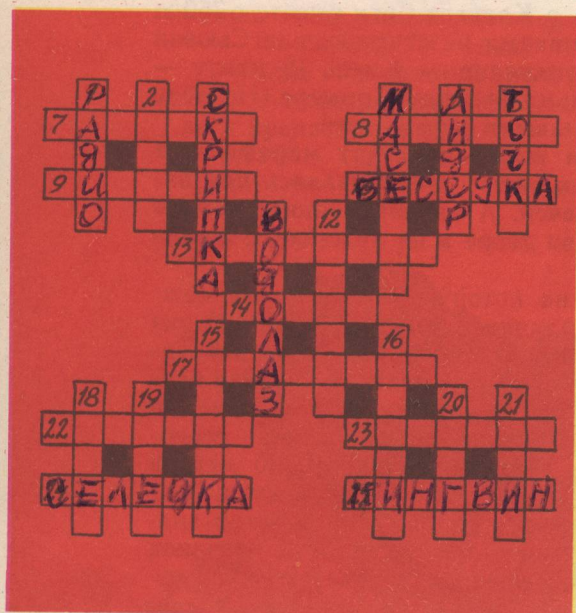
ный край. 20. Разворот самолета. 21. Исторический перевал в Болгарии. По горизонтали: 7. Один из узлов пишущей машинки. 8. Огородное растение семейства сложноцветных. 9. Помещение для подопытных животных. 10. Летняя постройка в саду. 13. Изменение имен в грамматике по падежам. 14. Техническое название солей, добываемых из золы. 17. Персонаж «Педагогической поэмы». 22. Специалист по вождению морских и воздушных кораблей. 23. Химический элемент. 24. Морская промысловая рыба. 25. Морская птица.

ОТВЕТЫ ОТВЕТЫ ОТВЕТЫ ОТВЕТЫ ОТВЕТЫ

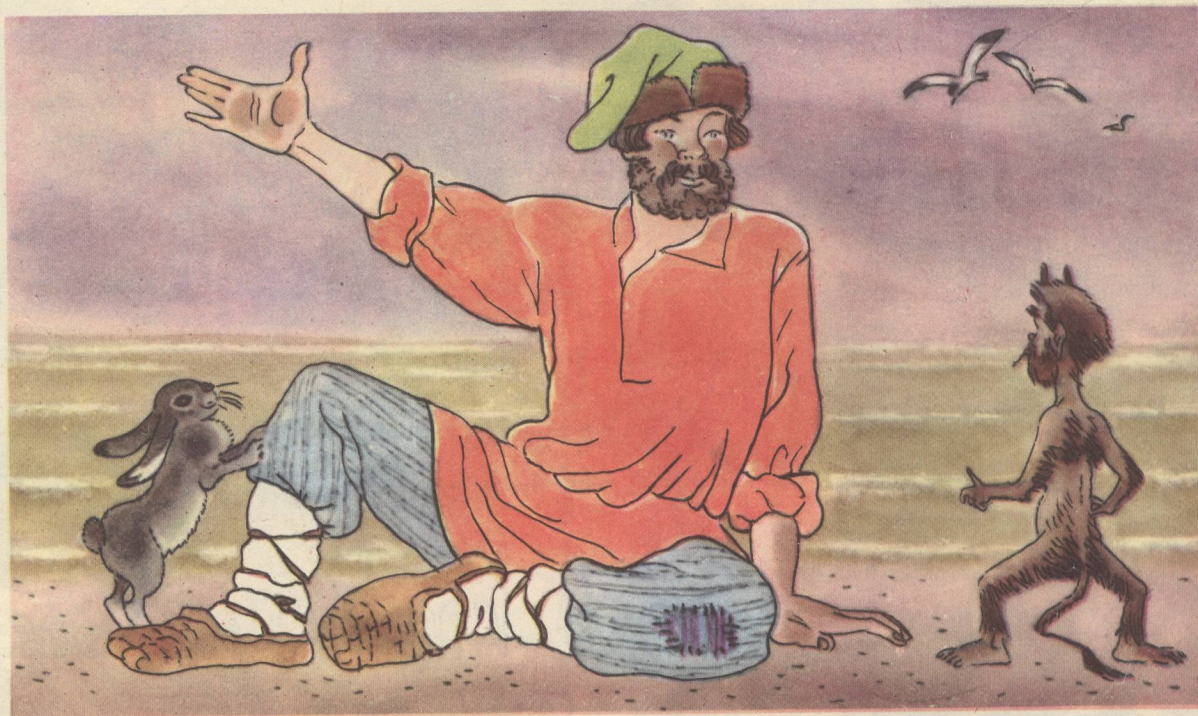
ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 5

КРОССВОРД «ЮННАТСКИЙ». По вертикали: 1. Воробей. 2. Пар. 3. Чибис. 4. Голец. 5. Сом. 6. Колибри. 9. Тритон. 13. Антоновка. 14. Поползень. 16. Горилла. 17. Борозда. 22. Дарвин. 23. Тетерев. 25. Казарка.

28. Орлан. 29. Филин. 33. Сиг. 34. Вид. По горизонтали: 7. Ботаник. 8. Носорог. 10. Зоб. 11. Мичуринец. 12. Кит. 15. Серна. 18. Кобра. 19. Козодой. 20. Анализ. 21. Соболь. 24. Олеандр. 26. Белка. 27. Анчар. 30. Мех. 31. Крапивник. 32. Мак. 35. Пеликан. 36. Личинка.

КРОССВОРД ОТВЕТЫ ОТВЕТЫ ОТВЕТЫ ОТВЕТЫ ОТВЕТЫ

Как будто бы бурливая река,
Течет у Пушкина стихов строка, —
пишет читательница „Уголька“ ученица 3 класса
Яна Кане.
Вечно течет. Вечно живет. И потому вечно живет
Пушкин.

8

Весь этот выпуск „Уголька“ — путешествие в мир
пушкинских сказок. Под каждой картинкой оставлено
место для строчек—подписей.

Мы уверены, что нужные пушкинские строки вы
найдете сами. И напишите нам, какие строки вы вы-
брали. В 12 номере „Уголька“ мы напечатаем имена
лучших знатоков сказок Пушкина.

6

3

2

7

4

5

ИДЕТ ТУРНИР!

Два пешечных окончания — вот что нужно разобрать шахматистам в предпоследнем — шестом — отборочном туре.

А. Белые: Крf1, п. g3; черные: Крд8. Как белые выигрывают?

Б. Белые: Крс2, п. e5; черные: Крс6, п. d7. Как белые спасутся?

Две концовки (в обеих белые выигрывают) Сергея Мальцева из Токаревки ждут шашкистов.

А. Белые: a1, b6, d4, d6, e5, f2, f4; черные: a7, b2, c3, d8, f8.

Б. Белые: b6, c1, c5, e5, g1, h2, h6; черные: a3, b2, b8, f6, f8, g7, h4.

В КАФЕ

„ПРОХОДНАЯ ПЕШКА“

— На третье пешечный торт! — объявил дежурный.

— Это очень кстати, — сказал Ферзьбери. — Что знаете вы, доблестные рыцари, о пешках? Мы здесь под вывеской «Проходная пешка»... Когда же пешка проходит в ферзи? Вот вам позиция — белые: Кре3, п. f3; черные: Крf5.

— Тут пешку не провести, товарищ шахмат-адмирал! — отчеканил Игорь Тарасов.

— А почему ты так думаешь?

— Для подобных позиций есть правило: если король, поддерживающий пешку, стоит с ней рядом или позади, то ее провести не удастся. Смотрите — 1. f4 Крf6 2. Кре4 Кре6 3. f5+Крf6 4. Крf4 Крf7 5. Кре5 Кре7 6. f6+ Крf7! 7. Крf5 Крf8! (но не Кре8? или Крг8?, потому что тогда пешка пройдет) 8. Кре6 Кре8 9. f7+ Крf8 10. Крf6 — пат.

— Отлично! Молодец. А сейчас поставим белого короля впереди пешки — белые: Крf4, п. f3; черные: Крf6. Что теперь?

— Полная неизвестность, товарищ шахмат-адмирал.

— Да? Почему же?

— Вы не сказали, чей ход. Это положение критическое: в нем все зависит от того, чей ход. Если — белых, то им от этого только хуже, и пешку они не проведут. А вот если ход черных, то их король должен будет все время уступать белому дорожку. Тот сможет продвигаться вперед и расчищать путь для пешки. Тогда она пройдет.

— И возьмешься доказать это?

— Возьмусь. Пусть ход белых. Предположим, 1. Кре4. Тогда — 1... Кре6! Что делать белым? Если двинуть пешку, то получится, что их король рядом — этот случай я только что разобрал. А если пойти 2. Крf4, то черные ответят 2... Крf6 и белые ничего не достигли.

Другое дело при ходе черных. Например, 1... Кре6 2. Крг5! Крf7 3. Крf5 Кре7 4. Крг6! И теперь...

— Хорошо! — остановил Игоря Ферзьбери. — Дальше пусть все рыцари сами докажут, что белый король уже открыл своей пешке семафор на пути к заветному полю f8. Это им поможет решить сегодняшние турнирные задания!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 4 решаются так.

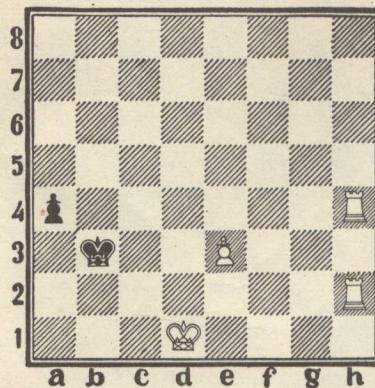
Идет турнир! Шахматы — А. 1. Лг6 Cd2 (1... Се3 2. Лг3! или 1... Сg5 2. Лf2!) 2. Лг2! Б. 1. Kg5+ Крh6 2. Лh8+! С:h8 3. Крг8 Кd6 4. Кр:h8. Шашки — А. 1. cb4!X. Б. 1. ab2! 2. b4! 3. f2X.

Оруженосцы, шаг вперед! Первый случай — 1. Лег5, второй — 1. Лgg5.

Тренировочная кабина. № 1. 1. Kg3! № 2. 1. Крс4! Крf5 2. Лh7. № 3. 1. Кра7! Крс7 2. Ла8! Крд7 3. Крb8!

СТОЛ НАХОДОК

Сюда доставлена задача Юры Се-

лявкина из Воронежа. «Кто найдет мат в 4 хода?» — спрашивает рыцарей Юра.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Поставь такое положение — белые: Крb1, Ch6, п. g4; черные: Кра7, Лс5, п. b7. У черных, как видишь, ладья, а у белых слон. Известно, что ладья сильнее, но... нет правил без исключений! Такое исключение и здесь. Белые могут использовать особенности расположения фигур и победить. Покажи, каким образом.

ПРИКАЗ № 6

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ приказываю:

§ 1. Всем рыцарям и оруженосцам прислать рапорты (на открытках!) до 1 августа.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Рисунки
М. Беломлинского

К 175-ЛЕТИЮ А. С. ПУШКИНА

В «Евгении Онегине» есть такие строки:

«Тут был пушистый в сединах
Старик, по-старому шутивший:
Отменно тонко и умно,
Что нынче несколько смешно».

Пушкин имел в виду нравы конца восемнадцатого века, о некоторых острословах той поры я расскажу вам.

Однажды знаменитый поэт и драматург Сумароков обедал у историка Щербатова. Обед оказался гостю довольно скупым. Встав из-за стола, Сумароков сказал соседу: «Хорошо бы, если история Щербатова была покороче, а кушанья подлиннее».

Однажды граф Хвостов (его все знали как автора глупых стихов) сочинил поэму, где говорилось:

«Суворов мне родня, а я стихи плету».

Известный остряк (и, кстати, приятель юного Пушкина) Блудов заметил: «Вот уж короче не скажешь, в одной строчке все, чем он гордиться может и чего стыдиться должен».

Некий вельможа, желая посмеяться над Ломоносовым и намекнуть на его происхождение из простых рыбаков, спросил Михаила Васильевича: «Не знаете ли вы, какая разница между лососем и лососиной?»

— «Точно такая, как между дураком и дурачиной», — в ту же секунду ответил Ломоносов.

СОДЕРЖАНИЕ

Мир в рисунках детей	1
Особое задание	
рассказ В. Арро	
рисунки И. Харкевича	2
Голубой патруль	
очерк Л. Кролевецкой,	
фото В. Мариковского	
оформление	
Т. Капустиной-Хонен	5
Недопёсок	
повесть Ю. Ковалёва	
рисунки Т. Капустиной	8
Барабан,	
журнал юнкоров	24
Найди в себе Пушкина	
очерк Н. Долининой	
рисунки А. Морева	28

Школьный музей в Бердах	
очерк	
К. Севастьянова	31
Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА	
Как я рисую	
рассказывает художник	
Н. Устинов	34
Дети мира	
фотоочерк С. Алесяна	
и Н. Гусака	36
Нитка за ниткой	
очерк В. Михайлова	
рисунок А. Харшака	38
Любимая лошадь Нурака	
рассказ Ш. Бейшеналиева	
рисунок С. Острова	40
На берегу Маклая	
из записок Б. Путилова	
фото автора	
рисунки А. Аземши	44

Расскажу я вам о дереве...	
записал Л. Эфрос	
фото Ю. Колтуна	48
Экспедиция „Вокруг света“	
игра	
Экзамены в каменном веке	
очерк А. Столяра	
рисунки Л. Каминского	51
Зеленые страницы	
ведет Н. Сладков	54
Морская газета	56
Тайное лазерное оружие	
очерк Л. Черткова	58
За семью печатями	
составил В. Уфлянд	60
Уголёк	
журнал для малышей	61
Арчбек	
шахматы, шашки	63

И. С. Тургеневу

БЕЖИН ЛУГ

Иван Демьянов

Он с детства у меня перед глазами,
Росистый луг с гривастым табуном,
И звездный рой, парящий над лесами,
Где речка изогнулась за бугром.

И фырканье, и лошадиный топот,
Несмелые мальчишек голоса,
И камыша берегового шепот,
Увядающая заката полоса.

Ночь распахнула голубые полы,
Луны катая золотой комок...
Безбрежье неба над притихшим долом,
Туда костра торопится дымок.

Пылать костру —
огонь его напорист.
Таких немного в памяти огней.
В него века подбрасывают хворост,
Чтоб Родину любили мы
сильней!

Рисунок Э. Соловьевой

Главный редактор С. В. Сахарнов

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, А. И. Пантелеев, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Теребинская (отв. секретарь), В. В. Торопыгин, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Беломлинский

Технический редактор В. И. Мецатунова

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются

М-28152. Сдано в набор 5/III 1974 г. Подписано к печати 29/IV 1974 г. Формат 60×90¼. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 550 000 экз. Заказ № 2351. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 197101, Ленинград, П-101, Кронверкская ул., 7.

СНОВА ИЗОБРЕТАЕМ ВЕЛОСИПЕДЫ

1

2

3

4

5

7

8

6

Еще недавно сказать о человеке, что он изобретает велосипед — значило сказать, что он изобретает вещь, придуманную до него другими людьми. Считалось, что конструкторы хорошо поработали над велосипедом и теперь его нельзя изменить или что-либо добавить к нему.

Но несколько лет назад инженеры и ученые СССР, Америки, Италии и Западной Германии приняли: снова изобретать велосипеды.

Чем же не угодил старый знакомый велосипед — тот, на котором люди ездят уже более семидесяти лет?

Во-первых, большими колесами. На велосипед трудно взобраться, сложно тронуться с места, трудно сойти. Именно поэтому велосипед пришлось убрать с городских улиц, перегруженных тяжелыми автомобилями.

Во-вторых, большим весом. Попробуй потаскать велосипед на шестой этаж, если он не помещается в лифте.

В-третьих, жесткостью конструкции. Велосипед нельзя быстро разобрать, сложить в чемоданчик и сесть с ним в трамвай или метро.

На улицах становилось все меньше велосипедов. Они пылились в квартирах, подвешенные под потолком, ржавели на чердаках и балконах. А желающие ездить на велосипедах не переводились — ведь это удобный и дешевый вид транспорта.

Изобретатели учли все недостатки, они изучили, какие позы велосипедистов удобны и безопасны, отобрали новейшие легкие и крепкие материалы, а главное — уменьшили в полтора раза размер колеса.

Так одновременно в разных городах и странах был изобретен новый велосипед. Теперь у него:

— малые колеса. Поэтому на него легко сесть, тронуться с места и быстро сойти. Он обладает большей маневренностью, а скорость почти не уменьшилась.

— небольшой вес. Старый велосипед весил 16 кг, новый — 8 кг и меньше.

Его можно разобрать за пять минут, и он поместится в чемоданчике, который можно хранить под диваном, в шкафу, возить повсюду с собой.

Очень скоро в школу, на работу, на озеро и за грибами нас повезет удобный и легкий велосипед.

1. Первый велосипед. Его в 1801 году построил русский крепостной Артамонов. Артамонов проехал на нем с Урала до Москвы.

2. Велосипед „Кенгуру“ — 1876 г.

3. „Бициклет Рудж“ — 1877 г.

4. Велосипед „Раллей олл стил“ — 1900 г.

5. Современный велосипед Минского велосипедного завода.

6. Складной малоколенный велосипед „Ровесник“. Модель 1973 г.

7. Западногерманский складной малоколенный велосипед „Грациелла“.

8. „Велосипед складной“ (малоколенный). 1973 г.

Рисунки А. Андреева